Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный университет» Юридический факультет Направление 40.04.01 «Юриспруденция» Правовые основы семьи и брака

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕМЕЙНОГО И ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Сборник научных статей

Выпуск 8

УДК 347(082) ББК Х404я43 А43

Под общей редакцией: д-ра юрид. наук, проф. О.Ю. Ильиной

А43 Актуальные проблемы семейного и гражданского права: сборник научных статей. – Тверь: Тверской государственный университет, 2021. – 100 с.

Настоящий сборник содержит научные статьи магистрантов, обучающихся на 1-м курсе по программе «Правовые основы семьи и брака» направления «Юриспруденция».

Статьи представлены в авторской редакции.

Сборник рекомендован к опубликованию протоколом заседания кафедры «Гражданского права» от 02 февраля 2021 год № 7.

[©] Авторы статей, 2021

[©] Тверской государственный университет, 2021

ПОЗИТИВНАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ. КОГДА МЕНЬШИНСТВО МОЖЕТ СТАТЬ БОЛЬШИНСТВОМ

М.А. Акинтьев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируются проблемные аспекты политики позитивной дискриминации в международном и отечественном праве. Приводятся примеры ее реализации в разных странах и различные негативные последствия ее применения. Ключевые слова: позитивная дискриминация, равенство, дискриминация, меньшинство, преференция, квота, права человека.

Мы живем в мультиэтническом мире, и равенство возможностей для представителей всех слоев социума — вот один из основных постулатов современного демократического общества. К сожалению, так было не всегда. Продолжительное время существовало много ограничений и запретов, которые не позволяли представителям того или иного гендерного, этнического, религиозного и национального слоя общества принимать полноценное участие в социальной жизни государства. Именно устранение этого неравенства являлось первоочередной целью демократизации. Однако, как известно, благие намерения не всегда приводят к положительным результатам.

6 марта 1961 года в Указе Президента США № 10925 впервые появляется термин «affirmative action» или «позитивная дискриминация» [2]. Его вводит Джон Фицджералд Кеннеди – 35-й президент США. Первоначально данная мера была направлена на ликвидацию многолетнего неравенства и дискриминации в отношении расовых и этнических меньшинств. Согласитесь, идея сделать всех абсолютно равными крайне утопична. Был предпринят ряд последовательных шагов для формирования позитивной общественной оценки данного процесса и ликвидации неравенства в обществе. В частности, именно в Указе Президента США № 10925 регламентировались действия организаций выполняющих государственные заказы. Позже в Указе Президента США Линдона Бэйнса Джонсона № 11246: государственные подрядчики были обязаны провести «соответствующие действия» по увеличению числа этнических меньшинств и женщин на рабочих местах, если обнаруживалось их непропорциональное соотношение. Одна из самых популярных мер политики позитивной дискриминации – это предоставление привилегий при приеме на работу, поступлении в высшие учебные заведения или открытии малого бизнеса, а также расовое квотирование. Следует оговориться, что изначально под расовыми и этническими меньшинствами подразумевались, главным образом, афроамериканцы. С течением времени список «угнетенных»

пополнился коренными американскими индейцами и эскимосами, латиноамериканцами, американцами азиатского происхождения и уроженцами островов Тихого Океана.

Однако, чем дальше заходили демократы в вопросах возмещения ущерба, нанесенного дискриминацией, тем более явной становилась ситуация, в которой политика квотирования и преференций усугубляла проблемы, существующие в обществе. Ведь в социуме, в котором все равны, на проверку оказывается, что кто-то, все-таки, равнее. На деле мы получили яркие примеры стран, раздираемых конфликтами, при общем равенстве каждого члена общества. Это, в частности: США, Индия, Малайзия, Пакистан, Бангладеш, Австралия и некоторые другие.

Разберемся первопричинах проблем политики позитивной Начнем дискриминации. вопроса, собственно, c a что, такое справедливость? Здесь есть два основных подхода: процедурный и распределительный. Процедурный основывается на равенстве всех перед законом и защите от принуждения. Распределительный, в свою очередь, основывается не только на равенстве перед законом, но и равенстве в распределении благ. В 1974 выходит книга Роберта Нозика «Анархия, государство и утопия» [3], в которой говорится о том, что любое перераспределение завязано на желаемое конечное состояние. Автор предлагает мысленный эксперимент, в рамках которого доказывает, что совместить два этих подхода в один универсальный не представляется возможным. На практике мы имеем ситуацию, в которой в демократическом обществе любые попытки перераспределения являются переливанием из пустого в порожнее, что и происходит с позитивной дискриминацией. Есть, правда, одно «но». Теория Нозика, некоторым образом, опровергается аргументом, что позитивная дискриминация, не столько перераспределение благ, сколько их возвращение в рамках исторической справедливости тем, у кого их отняли. Однако, не будем хоронить эту теорию раньше времени. Американский экономист Томас Соуэлл в своей монографии «Позитивная дискриминация в мире» 2004 [5] рассматривает последствия применения данной политики в разных странах. Выводы, которые делает автор, не утешительные. Позитивная дискриминация провалилась во всех странах, в которых широко применялась. В теории, данная мера должна была быть временной и прекратить свое существование когда «долги» будут возвращены. На практике же получилось все иначе. Как известно, нет ничего более постоянного, чем временное, в результате данная политика продолжает свое торжественное шествие.

Основным показателем прекращения позитивной дискриминации предполагается установление равного представительства. На деле же достичь оптимального соотношения представителей всех рас, гендеров, конфессий и национальностей во всех сферах жизни общества не представляется возможным. В этом, как раз, и заключается проблема

распределительного подхода позитивной дискриминации. отклонения от идеального распределения представителей обусловлены целым рядом объективных причин, которые скорее являются справедливым фактом, нежели несправедливой дискриминацией. Однако, невзирая на бесконечное перераспределение, от политики affirmative action не спешат отказываться, мотивируя это тем, что данная мера все же помогает исправить социальное неравенство. Если рассматривать результаты применения позитивной дискриминации, исходя из реального положения дел, можно заметить, что на практике преференции, квоты и дотации получают не самые «угнетенные» представители дискриминированных групп. Это связано, в первую очередь, с тем, что после введения данной политики, процентное соотношение ущемленных в правах от общей массы населения резко возросло. По Соуэллу этот массовый переход обусловлен большей выгодой, которую сулит принадлежность к конкретной группе. И так меньшинство, становится не таким уж и меньшинством, а в некоторых странах, например, в Индии, на всякого рода преференции претендуют аж 52% от общего населения страны.

Если говорить о справедливости политики позитивной дискриминации, мы сталкиваемся с еще одной проблемой, которая вызывает ряд негативных последствий в жизни общества. Преференции, квотирование и дотации сильно демотивируют конечного их потребителя работать, учиться и полноценно участвовать в социальных процессах страны. При этом происходит раскол общества с последующим ресентиментом по отношению к «привилегированным угнетенным». И если объективно оценивать ситуацию, преференции ведут к тому, что обделенными будут чувствовать себя многие, а значит позитивная дискриминация имеет свойство умножать обиды в обществе. Это в свою очередь может привести к открытому противостоянию, а в развивающихся странах к насилию.

Конституция Российской Федерации гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. Согласно статьи Викепедии в Российском законодательстве политика позитивной дискриминации представлена следующими моментами: квоты по приему в высшие учебные заведения для нескольких групп: сельское население, инвалиды, а также прошедшие срочную военную службу. Кроме того, законодательством субъектов РФ установлены квоты по приему на работу инвалидов в организации с численностью работников более 100 от общей численности работников). человек 4% отечественного права не сильно наблюдается негативное влияние данной политики, скорее всего это связано с тем, что исторически, еще во времена СССР, культивировалась идея многонациональности и равенства, которая крепко засела в нашем менталитете. Объективно говоря, политика позитивной дискриминации слабо соотносится с мерами принятыми в нашем государстве, т.к. affirmative action изначально направлена на устранение исторической несправедливости, по отношению к угнетенным слоям общества. Тем не менее преференции предоставляемые инвалидам, сиротам направлены на устранение социальной несправедливости и поддержку незащищенных слоев населения, что в современных реалиях является объективно обусловленной и необходимой мерой поддержания социального равенства в обществе. Исходя из статистики [4] последних лет, общих процент инвалидов в РФ снизился, так в 2013 г общая их численность составляла 13082 тыс. человек, тогда как в 2020 г. эта цифра уменьшилась до 11875 тыс. человек. На начальных этапах введения социальной помощи в РФ, инвалидность получали не только нуждающиеся в этом люди, но и те, кто путем манипуляций с законом хотел получить определенные бонусы от данного статуса. Одной из причин таких статистических изменений, является усиление контроля со стороны государства за процедурой проведения медико-социальной экспертизы.

Есть еще один вопрос который следует осветить в данной статье. Наряду с государственными преференциями в РФ существуют неформальное квотирование. Так в республиках Северного Кавказа, на основании работы «Неформальное этническое квотирование в полиэтнических республиках Северного Кавказа» 2017 ДНЦ РАН [1], существует подобная практика. Однако, присутствует и объективная критика данного подхода, поскольку по мнению авторов при всей полиэтничности представителей вовлеченных в управленческие структуры, это не гарантирует их профессионализм, ответственность, добросовестность и нравственность.

В итоге мы имеем следующее. Политика позитивной дискриминации нацелена на недостижимый идеал, сравнимый с утопиями писателей фантастов. При попытке внедрения данной меры воздействия на общество происходит изменение баланса, в рамках которого возникают конфликты и противостояния, перерастающие в открытые протесты и в некоторых случаях в насилие. Использование политики affirmative action, это не более чем попытка перераспределения благ в рамках современного понятия толерантности. И в результате, мы имеем общество, в котором оскорбление чувств каждого в отдельности доходит до абсурда и превалирует над объективным законодательством, которое, в свою очередь, видоизменяется под давлением общественного мнения и мировых тенденций.

Список литературы:

- 1. Адиев А.З., Аккиева С.И., Аствацатурова М.А., Курбанов Р.Ш., Щербина Е.А. "Неформальное этническое квотирование в полиэтнических республиках Северного Кавказа" 2017 ДНЦ РАН 53 с. // URL https://goo-gl.su/2mjMpQY (дата обращения 24.01.2021)
- 2. Позитивная дискриминация // Wikipedia URL https://goo-gl.su/C9jB (дата обращения 24.01.2021)
 - 3. Роберт Нозик. Анархия, государство и утопия. 1974. 424 с.
- 4. Сведения Федеральной службы государственной статистики о положении инвалидов // URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13964 (дата обращения 24.01.2021)
- 5. Thomas Sowell. Affirmative Action Around the World:An Empirical Study (Yale Nota Bene S) 2005. 256 c.

AFFIRMATIVE ACTION. WHEN A MINORITY CAN BECOME A MAJORITY

M.A. Akintiev

Tver State University

In this article we analyze the problematic aspects of the policy of affirmative action in international and domestic law. There were presented examples of its implementation in different countries and various negative consequences of its application.

Key words: affirmative action, equality, discrimination, minority, preference, quota, human rights.

АКИНТЬЕВ Михаил Александрович — студент 1 курса направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция, программа «Правовые основы семьи и брака».

ПРИЕМНАЯ СЕМЬЯ КАК ФОРМА ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

В.О. Богатырева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируются положения законодательства о приемной семье, как форме устройства детей, оставшихся без попечения родителей, именно порядок и условия её образования. Исследовано содержание договора о передаче ребенка в приемную семью. Выявлена новая форма устройства в приемную семью.

Ключевые слова: приемные родители, орган опеки и попечительства, договор о передаче ребенка в приемную семью, Семейный Кодекс, форма устройства детей оставшихся без попечения родителей.

Проблема защиты прав и интересов детей, оставшихся без попечения родителей остается актуальной и по сей день. Несмотря на ежегодное увеличение числа устройства детей в приемные семьи, количество детей, воспитывающихся в детских учреждениях все также велико.

Согласно конвенции ООН, а также семейному кодексу РФ каждому ребенку гарантировано право жить и воспитываться в семье, а, следовательно, при отсутствии биологических родителей или невозможности оных выполнять свою роль по какой-либо причине это право может исполнить приёмная семья.

Так, согласно статье 1 Федерального Закона «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот, оставшихся без попечения родителей», от 21.12.1996 N 159-ФЗ [2]: «Приемная семья — это форма устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на основании договора о передаче ребенка на воспитание в семью между органами опеки и попечительства и приемными родителями (супругами или отдельными гражданами, желающими взять детей на воспитание в семью)».

Главным условием образования приемной семьи — является «договор о передаче ребенка в приёмную семью», который должен быть заключен между органом опеки и попечительства и приемными родителями по месту жительства или нахождения ребенка. Поскольку в законодательстве отсутствует сам термин, а в статье 153.1 Семейного Кодекса [1], указывается лишь на примерные сведения, которые должны содержаться в данном договоре, то в научной литературе многими учёными предложены свои формулировки такого договора.

Так, по мнению, И.С. Даниловой: «Договор о приемной семье — это соглашение, то есть семейно-правовая связь между приемными родителями и органом опеки и попечительства в пользу третьего лица — приемного ребенка. Договор имеет организационный, относительный и строго личный характер исполнения обязанностей приемного родителя, то есть

невозможность заменить его другим родителем или работником, заключается на профессиональных, возмездных началах, направлен на регулирование личных неимущественных и имущественных прав и обязанностей субъектов» [9].

Так, например, С.П. Гришаева считает, что договор о приемной семье следует рассматривать в качестве разновидности опеки и попечительства и одновременно в качестве особой разновидности договора о возмездном оказании услуг [11].

Что касается количества детей, принимаемых приемными родителями на воспитание, то их число не должно превышать восьми человек, с учетом всех детей в семье (биологических, усыновленных, приемных), по соглашению с органом опеки и попечительства — это число может быть увлечено [4]. Кроме того, согласно п.1 статьи 153 Семейного Кодекса, если ребенок достиг десятилетнего возраста, также обязательно учитывается его согласие в случае передачи на воспитание в приемную семью.

Также хотелось бы затронуть такую сторону в своем исследовании, как подбор и подготовка приемных родителей. Так, именно ст. 146 СК РФ содержит требования к личности опекуна и попечителя, касающиеся его дееспособности, нравственных, личных качеств, состояния здоровья и т.п. Данные требования распространяются в полной мере и на приемных родителей» [10].

Так, во-первых, кандидаты должны собрать необходимые документы и предоставить их в орган опеки и попечительства, после этого органами опеки и попечительства проводится осмотр жилищно-бытовых условий будущих приемных родителей, отношения между родственниками, мотивы заявителя. Во-вторых, приемные родители обязаны пройти проверку на состояние здоровья, подтвердить отсутствие проблем, связанных с алкоголизмом или наркоманией у кандидатов в приемные родители. В-третьих, кандидаты в приемные родители не должны иметь судимость, а также подвергаться уголовному преследованию в тяжких или особо тяжких преступлениях, например, за преступления против жизни(убийства), половой неприкосновенности(изнасилования), поэтому кандидаты проходят обязательную проверку через органы охраны правопорядка на отсутствие судимости.

Также приемные родители должны пройти специальную подготовку в школе приемного родителя. Данная подготовка осуществляется в целях профилактики вторичного сиротства и преодоления возможных негативных педагогических и социально—психологических явлений в замещающей семье, связанных с возникновением трудностей в период адаптации замещающей семьи [12].

Также хотелось отметить немаловажный факт, что после передачи ребенка в приемную семью, органы опеки и попечительства осуществляют дальнейший контроль за приемными родителями и ребенком, а именно

проводят плановые и не плановые проверки условий жизни и выполнении приемными родителями своих обязанностей по воспитанию.

В соответствии с п. 2 статьи 153.1 субъектами РФ могут быть определены размер вознаграждения приемных родителей, денежные средства, выделяемые на содержание ребенка, меры социальной поддержки, предоставляемые приёмной семье.

Так, например, согласно закону Московской области от 31 октября 2008 г. N 162/2008-ОЗ «О вознаграждении опекунам, попечителям, приемным родителям и мерах социальной поддержки приемным семьям» [5], каждому из приемных родителей выплачивается денежное вознаграждение в размере девяти тысяч 200 рублей на одного ребенка. Также приемным родителям раз в год выплачивается материальная помощь на организацию отдыха или компенсация в размере четыре тысячи шестисот рублей, расходов на приобретение путевок для совместного отдыха с детьми в размере 6900 рублей на каждого члена приемной семьи.

Также хотелось бы привести в пример Мурманскую область, согласно их нормативно-правовому акту [6], орган опеки попечительства за воспитание каждого приемного ребенка выплачивает обоим приемных родителям пять тысяч рублей с начислением соответствующих коэффициентов и процентных надбавок, установленных за работу в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. Также согласно закону, приемные родители, принявшие в семью не менее трех детей и не имеющие необходимого жилого помещения, могут быть обеспечены таким жильем органом местного самоуправления на срок действия договора о передаче в приемную семью по существующим нормативам.

Таким образом, приемная семья является достаточно новой формой оставшихся без попечения **устройства** детей, родителей. Олнако существуют и определенные требования для приемных родителей, которые необходимо соблюдать для обеспечения интересов ребенка, а также его защиты и безопасности в новой семье. Однако так как термин «договор о передаче ребенка в приемную семью» законодательно не закреплён, а нормой семейного кодекса определенные положения данного договора могут быть изменены (например, увеличены размеры вознаграждения приемных родителей, содержания детей), то в конечном итоге стали появляться и новые формы устройства в приемную семью и пожилых людей, которые тоже нуждаются в бережном уходе и заботе. Итак, на мой взгляд с дальнейшим развитием законодательства возможны создание новых форм устройства, а также детальная проработка уже существующим форм устройства детей.

Список литературы

- 1. Семейный кодекс Российской Федерации от $29.12.1995 \text{ N} 223-\Phi3$ // Собрание законодательства Российской Федерации, N 1, 01.01.1996, ст. 16 (ред. от 06.02.2020).
- 2. Федеральный закон от 21.12.1996 № 159—ФЗ (ред. от 28.11.2015) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей—сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 52. Ст. 5880.
- 3. Федеральный закон "Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации" от 28.12.2013 N 442-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]: https://fzrf.su/zakon/o-socialnom-obsluzhivaniya-grazhdan-442-fz/.
- 4. Постановление Правительства Российской Федерации от 18.05.2009 N 423 «Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан»// Собрание законодательства Российской Федерации, N 21, 25.05.2009, ст.2572.
- 5. Закон Московской области от 31.10.2008 N 162/2008-ОЗ (ред. от 28.03.2013) "О вознаграждении опекунам, попечителям, приемным родителям и мерах социальной поддержки приемным семьям"// Ежедневные новости. Подмосковье, N 247, 15.11.2008.
- 6. Закон Мурманской области от 10 января 1999 г. N 126-01-3МО «О размере вознаграждения приемным родителям и льготах, предоставляемых приемной семье».
- 7. Мониторинг реализации в субъектах Российской Федерации положений Федерального закона от 28 декабря 2014 г. № 442-ФЗ «О социальном обслуживании граждан в Российской Федерации» от 26 февраля 2016 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=3&ved=0 ahUKEwjbrZevxKbUAhVMVSwKHZkZCWQQFgg0MAI&url=http%3A%2F%2Fwww.rosmintrud.ru%2Fdocs%2Fmintrud%2Fprotection%2F294%2Fmsword&usg=AFQjCNH538sN5LUt6CBWDRsiXA9n0NATFQ&cad=rjt
- 8. Курганская область. Правительство. Положение о социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов в приемной семье социального работника [Электронный ресурс]: постановление от 10 июля 2007 года N 279 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/819015667.
- 9. Данилова И.С. Институт приемной семьи в системе форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей в Российской Федерации: Диссер. канд. юрид. наук. М., 2014. С. 100–103.
- 10. Дрожжина И.В. Договор о приемной семье: понятие и особенности заключения // Юридическая наука. Рязань, 2014, № 2. С. 30–32.

- 11. Приемная семья в России как правовой и социальный институт по устройству и воспитанию детей, оставшихся без попечения родителей: монография / П.М. Филиппов, Г.С. Джумагазиева. Волгоград: Издательство Волгоградского института экономики, социологии и права, 2015.-68 с.
- 12. Сагитова И. Э., Хасанова С. А.// Специфика воспитания ребенка (детей) в замещающей семье: правовой и социально психологический аспекты/ Казанский педагогический журнал, 2016. № 1. 114. С. 205 209.

FOSTER FAMILY AS A FORM OF UPBRINGING CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE IN

V.O. Bogatyreva

Tver State University

The article analyzes the provisions of the legislation on a foster family as a form of placing children left without parental care, namely the procedure and conditions for its education. The content of the agreement on the transfer of the child to a foster family has been studied. A new form of placement in a foster family was revealed.

Keywords: adoptive parents, guardianship and guardianship authority, agreement on the transfer of a child to a foster family, Family Code, the form of placing children left without parental care.

БОГАТЫРЕВА Валерия Олеговна – студентка 1 курса направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция, программа «Правовые основы семьи и брака», email: <u>val.bogatyreva@yandex.ru</u>; т.8-919-059-60-33.

ТАЙНА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ РЕПРОДУКТИВНЫХ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Е.С. Зайцева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В настоящей статье проводится сравнительный анализ усыновления и применения вспомогательных репродуктивных технологий. Рассматривается сохранение информации о происхождении ребенка при использовании вспомогательных репродуктивных технологий через сохранение врачебной тайны. Анализируется, в каких случаях возможно раскрытие такой информации. Рассматриваются виды ответственности за разглашение врачебной тайны, а также ставится вопрос о необходимости введения законодателем нового вида тайны, являющегося специальным по отношению к информации о происхождении детей при использовании ВРТ.

Ключевые слова: усыновление; вспомогательные репродуктивные технологии; тайна усыновления; тайна происхождения при использование вспомогательных репродуктивных технологий; врачебная тайна; ответственность за разглашение врачебной тайны.

Конвенция о правах ребенка закрепляет основные начала семейного законодательства, среди которых определен принцип приоритетного семейного воспитания детей, а также, насколько это возможно, право ребенка и воспитание в семье. В связи с этим приоритетной формой воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, является усыновление.

В связи с тем, что усыновление перестало выполнять те функции, которые были возможны раннее, а также способствовать эффективному достижению главной цели потенциальных родителей — создание полноценной семьи при невозможности иметь детей, в настоящее время институт усыновления претерпевает изменения. По научным исследованиям выявлено, что связано это прежде всего с резким сокращением числа детей, доступных для усыновления, вследствие увеличения количества лиц, страдающих бесплодием. При этом институт усыновления неразрывно связан с «тайной усыновления».

Тайна происхождения является видом личной и семейной тайны.

В настоящее время проблема сохранения неприкосновенности личной и семейной тайны, в том числе тайны происхождения ребенка, а также частной жизни продолжает оставаться актуальной. На сегодняшний день, наряду с усыновлением, одним из способов разрешения данной проблемы является применение вспомогательных репродуктивных технологий (далее ВРТ).

Таким образом, кроме кровного родства существует ещё родство по усыновлению и родство, возникающее при применении вспомогательных репродуктивных технологий.

Согласно п.1 ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 22.12.2020) "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) вспомогательные репродуктивные технологии представляют собой методы лечения бесплодия, при применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма (в том числе с использованием донорских и (или) криоконсервированных половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов, а также суррогатного материнства) [4].

Основными источниками регулирования вспомогательных репродуктивных технологий являются: Федерального закона от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 22.12.2020) "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021), Семейный кодекс РФ и Приказ № 803-н «О порядке использования ВРТ, противопоказаниях и ограничениях к их применению». Однако этого не достаточно для столь сложных правоотношений. Существуют проблемы как медицинского, так и правового характера, которые нуждаются в разрешении. Одной из таких проблем является разглашение тайны применения вспомогательных репродуктивных технологий, например, тайны донорства или суррогатного материнства.

При этом если необходимость просвещения ребенка в его родословной в «обычной» семье решается ими самостоятельно, то, как при усыновлении, так и при происхождении ребенка при помощи применения ВРТ это регулируется на законодательном уровне государством. Поэтому вопрос сохранности тайны происхождения, не нарушая права ребенка, стоит весьма остро. Само применение вспомогательных репродуктивных технологий вызывает вопросы о том, в каком объеме ребенок, родившийся таким способом, а также иные лица могут быть проинформированы об особенностях такого происхождения на свет.

Федеральный закон "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" в статье, посвященной ВРТ, не говорится специально об информации о произведенных вмешательствах и личности пациента и донора, однако частично такие данные охватываются нормой о врачебной тайне. Кроме того, продолжают действовать региональные законы, охраняющие соответствующие данные в рамках режима тайны [6].

В соответствии с ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 22.12.2020) "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении, составляют врачебную тайну. Согласно же ч. 2 ст. 13 этого же закона не допускается разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, в том числе после смерти человека, лицами, которым они

стали известны при обучении, исполнении трудовых, должностных, служебных и иных обязанностей, за исключением случаев, установленных частями 3 и 4 настоящей статьи [4].

Таким образом, так как ВРТ это метод лечения бесплодия, а каждое лечение связано с врачебной тайной, то происхождение ребенка с использованием такого способа попадает под врачебную тайну.

Таким образом, согласно понятию «вспомогательные репродуктивные технологии» под ними понимаются методы лечения бесплодия, а каждое лечение исходя из анализа нормативно-правовых актов, связано с врачебной тайной, поэтому происхождение ребенка с использованием такого способа попадает под врачебную тайну.

Один из принципов клятвы Гиппократа, которую дают все будущие медицинские работники, гласит: "Чтобы при лечении — а также и без лечения — я ни увидел или ни услышал касательно жизни людской из того, что не следует когда-либо разглашать, я умолчу о том, считая подобные вещи тайной". В данном случае речь идет именно о врачебной тайне, то есть о запрете медицинскому работнику сообщать третьим лицам сведения и информацию, которая стала известна ему в связи с исполнением своих профессиональных обязанностей [5].

Поэтому как при усыновлении, так и при использовании вспомогательных репродуктивных технологий за ребенком по законодательству РФ не сохраняется право на получение информации о своем происхождении, хотя в случае с применением ВРТ это и не закреплено специальной тайной.

Часть 4 статьи 13 Закона об основах охраны здоровья отражает перечень случаев, когда лица, допущенные к врачебной тайне, не связаны обязанностью о ее неразглашении. Однако этот перечень имеет закрытый характер и не подлежит расширенному толкованию [8].

Вместе с тем согласно ч. 3 ст. 13 этого же закона с письменного согласия гражданина или его законного представителя допускается разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, другим гражданам, в том числе должностным лицам, в целях медицинского обследования и лечения пациента, проведения научных исследований, их опубликования в научных изданиях, использования в учебном процессе и в иных целях [4]. При этом законодатель, использовав формулировку «в иных целях», предоставил тем самым возможность гражданину или его законному представителя определять случаи, которых будет самостоятельно В распространение сведений, составляющих врачебную тайну. Кроме того, этот же закон допускает разглашение такой информации после смерти гражданина, даже если до этого он своего согласия на это не давал. Однако практика показывает, что до недавнего времени суды отказывали родственникам в предоставлении сведений, составляющих врачебную тайну, после смерти пациента, обратившегося за помощью, за исключением случаев, когда он сам дал на это согласие при жизни. Суды мотивировали свои отказы тем, что отсутствует необходимая для этого норма, что родственник, обратившийся за такой информацией, не является законным представителем умершего, а также отсутствием самого согласия этого гражданина при жизни.

За разглашение врачебной тайны предусмотрена ответственность, устанавливающая различные виды наказания. Так, существует дисциплинарная ответственность, особенностью которой является обязанность работодателя привлечь должностное лицо к ответственности не зависимо от того, обратился ли пострадавший человек за защитой в компетентные органы или суд. Для привлечения к такому виду ответственности достаточно самого факта разглашения такого рода сведений.

Вторым видом ответственности за разглашение врачебной тайны является административная, в данном случае одним из основных условий является умышленное распространение сведений, относящихся к данной информации.

За разглашение врачебной тайны также предусмотрена ответственность по гражданскому законодательству. Такая информация относится к нематериальным (неимущественным) благам, которые являются принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом [2]. За разглашение врачебной тайны законодатель предусматривает меру ответственности в виде компенсации морального вреда. Как правило, такие иски предъявляются к медицинским учреждениям.

врачебной За тайны установлена разглашение уголовная ответственность, которая является самой строгой. При этом уголовное законодательство не содержит какой-то специальной предусматривающей ответственность за разглашение такой информации. общей Руководствуются статьей 137 УК РΦ «нарушение неприкосновенности частной жизни» [3]. На мой взгляд, стоит ввести отдельную статью, посвященную разглашению сведений, составляющих врачебную тайну. Наличие уголовной ответственности за разглашение такого рода информации подчеркивает её значимость.

Несмотря на все эти виды ответственности, врачебная тайна является в первую очередь моральной ответственностью каждого должностного лица и в первую очередь врача. Непосредственно сам врач должен осознавать значимость сохранения такой информации.

Ещё одна трудность в применении вспомогательных репродуктивных технологий связана с неточным понятием пациента в данном случае.

Согласно Федеральному закону от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" вспомогательные репродуктивные технологии являются способом лечения.

При этом под лечением в соответствии с п. 8 ч.1 ст. 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" понимается комплекс медицинских вмешательств, выполняемых по назначению медицинского работника, целью которых является устранение или облегчение проявлений заболевания или заболеваний либо состояний пациента, восстановление или улучшение его здоровья, трудоспособности и качества жизни [4].

Из приведенных норм понятно, что законодатель под пациентом понимает физическое лицо и не соотносит его с множественным значением. При этом если применение вспомогательных репродуктивных средств связано с выбором самой семьи такого способа, то соответственно и пациентом в данном случае будет выступать семейная пара, не смотря на то, кто из них страдает бесплодием. А врачебная тайна в таком случае будет распространяться на обоих супругов.

Таким образом, если при усыновлении действует специальный режим тайны, то при применении вспомогательных репродуктивных технологий нет. Такое происхождение детей охватывается врачебной тайной, но с большим количеством пробелов, а связано это с недостаточным уровнем исследования данного вопроса. При этом репродуктивная тайна может рассматриваться и как составляющая личной и семейной тайны, охраняемой конституционными и гражданско-правовыми нормами. Как нематериальное благо, репродуктивная тайна обеспечивается мерами защиты, предусмотренными ст. 12 ГК РФ [6].

Многие ученые высказываются о необходимости на примере других стран издание единого закона, который регулировал бы применение вспомогательных репродуктивных технологий, а также права и обязанности лиц, которые принимают участие в этом.

Так, например, законодатель в семейном, гражданском, гражданском процессуальном, трудовом, праве социального обеспечения, уголовном и других отраслях права закрепил меры, направленные на способствование обеспечению тайны усыновления. Среди них присутствует изменение даты и (или) места рождения ребенка, имитация беременности. Разумно было бы по аналогии с усыновлением ввести такие же меры для обеспечения сохранности информации, полученной при применении вспомогательных репродуктивных технологий, для усиления защиты родителей и детей. Причем сделать это нужно не нарушая право ребенка знать о своем происхождении. Ведь согласно п. 1 ст.7 Конвенции о правах ребенка ребенок с момента рождения, насколько это возможно, имеет право знать своих родителей, а также согласно п. 1 ст.8 прав на сохранение своей индивидуальности, включая гражданство, имя и семейные связи [1].

Альтернативным вариантом созданию закона, регулирующего применение вспомогательных репродуктивных технологий, является, например, дополнение новой статьёй Федеральный закон от 21 ноября

2011 г. N 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации", которая будет посвящена процедуре применения ВРТ и правовому положению граждан, воспользовавшихся данным способов, включая тайну применения ВРТ. Тогда происхождение детей с помощью ВРТ будет регулироваться не только врачебной тайной, но и специальной, что позволит лучше защищать права не только родителей, как биологических, так и генетических, но и самого ребенка.

Таким образом, развитое применение вспомогательных репродуктивных технологий не совпадает с развитием правового регулирования таких отношений, что приводит к недостаточной защищенности, как самих родителей, так и детей, появившихся таким образом. В связи с этим, хоть усыновление в настоящее время и рассматривается как последний вариант появления ребенка в семье, однако по уровню правовой проработанности и защищенности лучше, чем применение ВРТ. Кроме того, сама процедура ВРТ на данный момент является не из дешевых удовольствий с чем также связано ряд проблем и злоупотреблений, поэтому, не смотря на все плюсы такого создания полноценной семьи, усыновление является пока самым доступным способом.

Однако введение законодателем тайны происхождения, связанного с применением ВРТ может вызвать дискуссию о необходимости её существования. Ведь есть авторы, которые полагают, что если ребенку ещё в раннем возрасте сообщить о его происхождение, то это избавит в последующем от затруднений, и в таком случае не будет нарушено его право знать своих родителей.

На мой взгляд, как и при усыновлении, так и при применении ВРТ разглашение нежелательных сведений, касающихся тайны происхождения, может нанести серьёзную душевную травму ребенку в любом возрасте и нарушить его взаимоотношения с родителями, привести к распаду семьи. Поэтому законодательное применение вспомогательных репродуктивных технологий нуждается в проработанности и улучшению, в частности закрепления тайны происхождения с помощью такого способа, либо же совершенствования норм врачебной тайны. Кроме того, разрабатывая такие положения, стоит проработать такие моменты, как раскрытие тайны происхождения при помощи применения ВРТ для того, чтобы в исключительных случаях, как установления национальности, заболеваний, передающихся по наследству было возможно раскрытие такой информации, но при соблюдение определенных условий.

Подводя итоги можно выделить следующие основные выводы:

1) использование вспомогательных репродуктивных технологий позволяет более эффективно достичь конечной цели потенциальных родителей;

- 2) тайна происхождения при помощи использования ВРТ подпадает под врачебную тайну;
 - 3) специальной тайны происхождения детей при помощи ВРТ нет;
- 4) процедура применения вспомогательных репродуктивных технологий нуждается в дальнейшем развитии.

Таким образом, с развитием новых способов появления у бесплодных пар ребенка при помощи вспомогательных репродуктивных технологий, проблем от этого не становится меньше, причем как юридических, так и нравственных, а связано это прежде всего с отношением самого общества к таким способам, а также возможные риски в защите детей, появившихся таким путем.

Список литературы

- 1. Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР от 7 ноября 1990 г. N 45 ст.955
- 2. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. N 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. N 32 ст. 3301
- 3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-Ф3 // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. N 25 ст. 2954
- 4. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями)// Собрание законодательства Российской Федерации от 28 ноября 2011 г. N 48 ст. 6724
- 5. Белянинова Ю.В., Гусева Т.С., Захарова Н.А., Савина Л.В., Соколова Н.А., Хлистун Ю.В. Комментарий к Федеральному закону от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации". Специально для системы ГАРАНТ, 2016.
- 6. Водяницкий А.А. Охрана тайны информации о рождении ребенка и проблемы установления его происхождения // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. 2016. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ohrana-tayny-informatsii-o-rozhdenii-rebenka-i-problemy-ustanovleniya-ego-proishozhdeniya (дата обращения: 20.01.2021).
- 7. Федорова, Г. Ю. Врачебная тайна в правоотношениях суррогатного материнства / Г. Ю. Федорова. Текст : непосредственный // Молодой ученый. 2017. № 23 (157). С. 223-226. URL: https://moluch.ru/archive/157/44451/ (дата обращения: 23.01.2021).

THE SECRET OF ORIGIN IN THE APPLICATION OF REPRODUCTIVE ASSISTANT TECHNOLOGIES

E.S. Zaitseva

Tver State University

This article provides a comparative analysis of adoption and the use of assisted reproductive technologies. The article deals with the preservation of information about the origin of a child when using assisted reproductive technologies through the preservation of medical secrecy. It analyzes in what cases it is possible to disclose such information. The types of responsibility for the disclosure of medical secrets are considered, and the question of the need for the legislator to introduce a new type of secrecy, which is special in relation to information about the origin of children when using ART, is raised.

Keywords: adoption; assisted reproductive technologies; secret of adoption; secret of origin when using assisted reproductive technologies; medical secrecy; responsibility for divulging medical secrets.

ЗАЙЦЕВА Екатерина Сергеевна — студентка 1 курса направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция, программа «Правовые основы семьи и брака», e-mail: caterina.zaitzeva2015@yandex.ru т. 89961348950

ИНТЕРЕСЫ ДЕТЕЙ КАК ПРЕДМЕТ ОСНОВНОЙ ЗАБОТЫ РОДИТЕЛЕЙ

Р.В. Кондратьева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируются проблемные аспекты такой правовой категории, как интерес ребенка. Автор указывает различные мнения ученых относительно понятия интереса ребенка. В статье исследуются правоприменительная практика и статистические данные по спорам, связанным с воспитанием ребенка. Результатом исследования явилось исследование возможности внесения изменений в действующее законодательство $P\Phi$.

Ключевые слова: интерес ребенка, несовершеннолетний, родители, защита, воспитание.

При исследовании проблемы правового статуса несовершеннолетних детей возникает вопрос о понятии и месте интереса в структуре правового положения ребенка. При этом совершенно верно представители науки семейного права полагают, что понятие интереса — достаточно сложное, имеющее множество измерений, изучаемое под углом зрения разных научных дисциплин: философии, психологии, экономики, социологии, в том числе и права [7, с. 13]. В науке семейного права проблема понятия и содержания интересов детей является дискуссионной и обсуждается многими авторами уже на протяжении долгого времени. Актуальность настоящего исследования не исчерпана и на сегодняшний день. Информационная эпоха, внедрение новых методов воспитания и родительские амбиции вырастить идеального ребенка ставят под угрозу обеспечение законных интересов несовершеннолетних.

В числе первых исследований интересов ребенка как семейно-правовой категории являлись рассуждения и выводы О.Ю. Ильиной [7]. В последующем данная проблематика весьма широко была представлена в работах Н.М. Савельевой [9]. Несмотря на то, что вопросы определения интересов ребенка и их значения являются предметом исследования в научных статьях и монографиях других ученых, следует признать, что комплексное понимание данной категории содержится лишь в работах названных авторов.

Некоторые авторы придерживаются того мнения, что обеспечение интересов ребенка должно рассматриваться как один из принципов осуществления родительских прав, который является фундаментальным правовым принципом толкования, основанном на самоналагаемом ограничении родительской власти [10, с. 236]. Внесение положения, закрепляющего «необходимость учета наилучших интересов ребенка» в число основ семейного законодательства, позволит учитывать его при толковании и применении всех положений закона, касающихся изъятия

ребенка из семьи (в том числе приемной), лишения и ограничения родительских прав, что, на наш взгляд, будет способствовать сокращению количества необдуманных изъятий детей из семейного окружения [8, с. 103].

Другие авторы, считают, что интересы ребенка влияют на выбор родителями способов и форм его воспитания, предлагают определения соответствующего понятия. Так, по мнению О.А. Бондаренко «интересы ребенка — это жизненно важные потребности ребенка, без реализации которых он не может жить и развиваться» [5, с. 47]. Данное определение автора указывает на тот факт, что интерес выражается именно в неких биологических нуждах ребенка, обеспечение которых необходимо для его нормальной жизнедеятельности.

Н.В. Фомичева придерживается того мнения, что интересы ребенка, с точки зрения семейного права, не что иное, как условия его физического и нравственного благополучия, которые должны обеспечиваться в первую очередь родителями [11, с. 133]. Указанное определение подчеркивает невозможность реализации интереса ребенка без действий его законных представителей.

Таким образом, относительно законного интереса несовершеннолетнего можно отметить, что социальная обусловленность обеспечения наилучших законных интересов несовершеннолетнего состоит в том, что несовершеннолетние, которые в силу своего возраста, психологического развития не могут знать, понимать и осуществлять свои права и обязанности, нуждаются в сторонней защите возможности реализации своих прав и обязанностей.

А.Н. Алашеева, рассуждая об интересах детей, справедливо отмечает, что одной из особенностей законного интереса детей является зависимость реализации прав и законных интересов несовершеннолетнего от совершеннолетних лиц — естественная особенность взаимоотношений несовершеннолетних и совершеннолетних. При этом особенностью данных взаимоотношений между ребенком и взрослым является тот факт, что взрослые зачастую определяют объем, содержание и пределы интересов ребенка [4, с. 154].

Из приведенного следует, что зависимость детей от родителей является одним из критериев определения пределов интересов детей. Однако, данный критерий не является главным и единственным. Следует отметить, что обеспечение интересов ребенка имеет место только в том случае, если обеспечены условия его развития. Соответственно, интересы ребенка зависят от таких факторов, как наличие или отсутствие родителей, их образ жизни, социально-экономические условия жизни семьи, а также, как уже отмечалось, личность самого ребенка — его психологические и физиологические характеристики. Указанные предпосылки условно можно

разделить на три группы: связанные с возрастом ребенка; касающиеся родителей; определяющие условия жизни ребенка.

Кроме того, в п. 15 постановления Пленума Верховного суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» отмечается: «Под интересами детей при усыновлении следует, в частности, понимать создание благоприятных условий (как материального, так и морального характера) для их воспитания и всестороннего развития» [2].

По нашему мнению, применительно к правоотношениям усыновления (удочерения) такой подход вполне обоснован: ведь суд должен определить фактически дальнейшую судьбу ребенка, поэтому и акцент поставлен на создании условий для развития.

В контексте же рассматриваемой проблемы интересов ребенка как семейно-правовой категории, то предложенная версия не может быть воспринята как всеобъемлющая, применимая к любым семейным правоотношениям с участием ребенка, поскольку каждый спор является отличным от других своими участниками, обстоятельствами конфликта и, главное, интересом ребенка, который находится под защитой государства.

Представленные статистические данные Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации в отчетах о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции за 2017, 2018, 2019 года указывают, что в 2017 году споров, рассмотренных судами общей юрисдикции и связанных с воспитанием детей, составило 28185. В 2018 году — 17542, в 2019 году — 18780 [13]. Данная статистика свидетельствует о том, что с 2018 года количество споров, связанных с воспитанием ребенка, вновь начало возрастать.

Проанализировав материалы судебной практики, можно сделать вывод о том, что при разрешении споров, связанных с воспитанием детей, зачастую интересы детей определяются по-разному, применяются разные критерии при установлении сущностного интереса ребенка. Данная практика является обоснованной, поскольку, как указывалось ранее, каждый спор индивидуален и требует от судьи внимательного изучения всех факторов, которые могут иметь значение для определения истинного интереса ребенка и принятия законного и обоснованного решения.

Специфика процессуального положения связана с тем, что интересы несовершеннолетних лиц в гражданском процессе представляют их законные представители. Вместе с тем, в гражданских спорах, связанных с воспитанием детей, у законных представителей может быть различное, а иногда даже противоположное понимание интересов ребенка. Более того, в некоторых гражданских спорах, мнения законных представителей об интересах ребенка могут не иметь ничего общего с интересами самого ребенка. В подобных случаях вместо интереса ребенка преследуются интересы законных представителей. Указанное обстоятельство позволяет

говорить о необходимости научного осмысления проблем определения интересов ребенка, а особенно при подготовке и рассмотрении гражданских дел, связанных с воспитанием ребенка [4, с. 152].

В соответствии со статьей 65 СК РФ родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей [1]. Проблема состоит в том, что, реализуя какие-либо собственные амбиции, родители могут манипулировать детьми, заявлять требования, якобы связанные с воспитанием детей, но на самом деле свидетельствующие о конфликте между родителями, а не о наличии спора, связанного с воспитанием детей.

Так, Определением ВС РФ от 29 января 2019 года отменено решение районного суда и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам в части определения порядка общения отца с несовершеннолетним. Новожилова О.Н. обратилась в суд с иском к Веретельникову М.С. об определении места жительства ребенка, взыскании алиментов на его содержание, определении порядка общения с ребенком отдельно проживающего родителя, указав, что ответчик удерживает ребенка у себя, препятствуя матери в общении с ним.

Верховный Суд РФ, отменяя решения судов первой и второй инстанции, указал, что что вынесенные судебные постановления требованиям закона не соответствуют, поскольку предложенный отцом график общения и утвержденный судом по своей сути уже является графиком проживания несовершеннолетнего и недопустимым форматом опеки, поскольку ведет к формированию двойственного восприятия ребенком реальности, к двойным стандартам, к формированию навыков манипулирования у детей, лишает ребенка чувства «настоящего дома». Ребенок вынужден жить на два дома и приспосабливаться к двум разным бытовым укладам, разным требованиям, что создает неврогенную ситуацию для ребенка [3].

В данном случае, суд, справедливо, при вынесении определения руководствовался тем положением, что первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка, а не амбициям родителей. Само наличие в суде спора о порядке общения с ребенком свидетельствует о нежелании родителей поступиться личными амбициями и действовать в интересах ребенка. За родительскими войнами исчезает главное – любовь к ребенку и забота о нем [12, с. 9].

Реализуя свои собственные желания, родители не исполняют решения судов, чем нарушают права и законные интересы ребенка. Данный вывод подтверждается статистикой судебных решений, связанных с воспитанием детей, находящихся на исполнении ФССП России, за 2014 – 2018 года [6, с. 8]. В частности, количество дел, находящихся в производстве судебных приставов, в 2014 году составило 5784, а в 2018 году — 11386, то есть за 4 года количество дел увеличилось в два раза. Указанная статистика свидетельствует о том, что воспитание ребенка и его интересы не всегда являются приоритетным объектом в семейных правоотношениях.

Анализ доктринальных подходов категории интересов ребенка, а также анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что что целью осуществления права на воспитание является обеспечение интересов ребенка. Именно поэтому при неисполнении или ненадлежащем исполнении родительского права на воспитание объектом выступают интересы ребенка.

Отсутствие приоритета учета наилучших интересов ребенка среди принципов семейного законодательства посылает ложный сигнал органам, уполномоченным на защиту детей. Суд, основывающий свое решение на формальном соответствии действий закону без учета их пропорциональности, не может быть гарантом соблюдения интересов ребенка.

Данное замечание является справедливым и требующим конкретных действий законодателя по внедрению в национальное право данного алгоритма. Социальная обусловленность защиты детей также указывает на эту необходимость. Соответственно, дефиниция «интерес детей» не может быть однозначно определена, поскольку в каждом конкретном споре свои особенные условия: образ жизни родителей, формы и способы воспитания, возраст и характер ребенка, которые и определяют тот самый, законный интерес. Исходя, из вышесказанного полагаем правильным установить в законодательстве принцип нашиональном семейном наилучших интересов детей, изменив пункт 3 статьи 1 Семейного кодекса «Регулирование РΦ следующим образом: семейных осуществляется в соответствии с принципами ... обеспечения наилучших интересов ребенка, ...». Полагаем, что данное изменение будет способствовать правильному и законному принятию решение по спорам, связанным с воспитанием ребенка.

Список литературы

- 1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020 с учетом изменений, внесенных Федеральным законом от 06.02.2020 N 10-ФЗ) // СЗ РФ. 10.02.2020. № 6. Ст. 589.
- 2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.04.2006 № 8 (ред. от 17.12.2013) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» // Российская газета. № 92. 2006.
- 3. Определение Верховного Суда РФ № 18-КГ18-223 от 29.01.2019 года // URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-29012019-n-18-kg18-223/ (дата обращения: 20.01.2021 года).
- 4. Алашеева А.Н. Интересы ребенка как правовая категория // Наука. Общество. Государство. 2020. № 3 (31). С. 152-160.

- 5. Бондаренко О.А. «Интересы ребенка» как правовая категория // Legal Concept. 2017. № 1. С. 44-49.
- 6. Дергунова В.А. Соотношение прав родителей и детей и их защита при исполнении решений судов о воспитании детей // Семейное и жилищное право. 2020. № 3. С. 8-10.
- 7. Ильина О.Ю. Интересы ребенка в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец. 2006. 192 с.
- 8. Кравчук Н.В. Наилучшие интересы ребенка: содержание понятия и его место в семейном законодательстве России // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5 (78). С. 97-103.
- 9. Савельева Н.М. Правовое положение ребенка в Российской Федерации: гражданско-правовой и семейно-правовой аспекты. Самара. 2006. 151 с.
- 10. Старовойтова К.В. Принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка и границы его признания зарубежными государствами // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 8-9. С. 236-242.
- 11. Фомичева Н.В. Интересы ребенка и родительский интерес при осуществлении родительских прав // Вестник СГЮА. 2018. № 5 (124). С. 133-136.
- 12. Якушев П.А. Споры о детях: традиционные ценности и судебная практика: монография. М.: Проспект. 2018. 144 с.
- 13. Данные судебной статистики Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476 (дата обращения: 20.01.2021 года).

CHILDREN'S INTERESTS AS A BASIC CARE OF PARENTS

R.V. Kondrateva

Tver state University

The article analyzes the problematic aspects of such a legal category as the interest of the child. The author indicates the different opinions of scientists regarding the concept of a child's interest. The article examines the law enforcement practice and statistics on disputes related to the upbringing of a child. The study resulted in a study of the possibility of making changes to the current legislation of the Russian Federation.

Keywords: interest of the child, minor, parents, protection, education.

КОНДРАТЬЕВА Риана Валерьевна — студентка 1 курса направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция, программа «Правовые основы семьи и брака», e-mail: kondrateva.riana@inbox.ru; т. 8-904-001-21-13.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРИЗНАНИЯ БРАЧНОГО ДОГОВОРА НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ

Е.С. Ловцевич

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

В статье системно исследуются особенности признания брачного договора недействительным, путем рассмотрения как общих, так и специальных оснований его недействительности. Обозначены основные вопросы, возникающие у правоприменителей при разрешении дел, связанных с оспариванием брачных договоров, предложены варианты их решения.

Ключевые слова: договор, брачный договор, недействительность брачного договора, оспоримый договор, ничтожный договор.

Одним из самых актуальных вопросов как в сфере гражданско-правовых, так и семейно-правовых отношений выступает регулирование режима имущества супругов.

С позиции российского законодателя реальной альтернативой законному режиму имущества супругов выступает брачный договор, который в настоящее время является одним из основных институтов современного семейного права.

Брачный договор в соответствии с действующим законодательством представляет собой соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения (ст. 40 Семейного кодекса Российской Федерации [2] (далее – СК РФ).

Как следует из представленной нормы, заключить брачный договор могут лица, вступающие в брак, или которые уже находятся в брачных отношениях, а условия такого соглашения могут быть направлены только на регулирование имущественных отношений, возникающих между супругами.

Таким образом, заключая брачный договор, супруги имеют возможность отклониться от норм совместной собственности, закрепленных ст. 34 СК РФ, и распределить нажитое ими имущество по своему усмотрению.

По мнению Шумовой К.А. и Сидорова С.В., «распределение имущества супругов и возможности распределения особого режима его использования по обоюдному согласию значительно упрощает процедуру раздела имущества при прекращении брачного союза» [6].

Безусловно, супруги, решаясь на заключение брачного договора, преследуют цель наиболее справедливого распределения имущества, нажитого во время брака. Вместе с тем, при его заключении допускаются серьезные ошибки и упущения, ведущие к признанию договора недействительным.

Анализируя положения гражданского и семейного законодательства, можно отметить, что если условия брачного договора будут ущемлять права одной из сторон, и противоречить законодательству Российской Федерации, то такой договор может быть оспорен в судебном порядке.

В соответствии со ст. 44 СК РФ брачный договор может быть признан судом недействительным полностью или частично по основаниям, предусмотренным Гражданским кодексом Российской Федерации [1] (далее — ГК РФ) для недействительности сделок, а также по требованию одного из супругов, если условия договора ставят этого супруга в крайне неблагоприятное положение. Также брачный договор может быть признан ничтожной сделкой, если его условия нарушают требования п. 3 ст. 42 СК РФ.

Основания для признания брачного договора недействительным в рамках нашего исследования считаем целесообразным разделить на две группы. К первой группе относятся общие основания недействительности сделок, предусмотренные гражданским законодательством, ко второй группе относятся условия недействительности, касающиеся только брачного договора.

Общие основания недействительности закреплены в ГК РФ и к ним можем отнести, в частности: несоответствие сделки требованиям закона или иного правового акта (ст. 168 ГК РФ); мнимость и (или) притворность сделки (ст.170 ГК РФ); не обладание лицом, совершившим сделку, дееспособностью в полном объеме (ст. 171, 175, 176 ГК РФ); совершение сделки в отношении имущества, распоряжение которым запрещено или ограничено (ст. 174.1 ГК РФ); совершение сделки лицом, которое в момент совершения такой сделки не было способно понимать значение своих действий и руководить ими (ст. 177 ГК РФ); совершение сделки под влиянием существенного заблуждения (ст. 178 ГК РФ); совершение сделки под влиянием обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств (ст. 179 ГК РФ). Эти основания вполне применимы и к брачному договору.

Как отмечает Анапольская А.И., Толмачев Д.Ю., «брачный договор может быть признан недействительным, если при его заключении нарушено хотя бы одно из условий действительности сделок» [4]. К таким условиям относятся: правомерность сделки, соблюдение установленной формы, наличие у ее участников дееспособности, совпадение воли и волеизъявления.

Как уже было отмечено ранее, семейным законодательством также предусмотрены основания признания брачного договора недействительным. Так, если условия договора противоречат требованиям, установленным в п.3 ст. 42 СК РФ, то он признается ничтожным. К примеру, положения брачного договора не могут ограничивать правоспособность или дееспособность супругов или регулировать личные неимущественные отношения между ними, а также их права в отношении детей.

Часть 2 ст. 41 СК РФ устанавливает необходимость письменной формы брачного договора и его нотариального удостоверения. Таким образом, несоблюдение этого требования влечет за собой его недействительность.

Кроме того, в случае признания судом недействительным брака, то автоматически признается недействительным и брачный договор, заключенный в рамках соответствующих брачных отношений (п. 2 ст. 30 СК $P\Phi$).

Еще одно специфическое основание для признания брачного договора недействительным предусмотрено п. 2 ст. 44 СК РФ. Согласно указанной норме брачный договор признается недействительным, если его условия ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение.

Вместе с тем отсутствие в действующем законодательстве конкретных критериев «крайне неблагоприятного положения» порождает трудности в правоприменительной практике, что в свою очередь усложняет прогнозирование развития исхода того или иного судебного решения.

Суды при вынесении подобных решений руководствуются п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 года «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» [7], в котором приводится единственный пример крайне неблагоприятного положения супруга: лишение одного из супруга права собственности на имущество, нажитое в период брака.

Использование федеральным законодателем такой оценочной характеристики, как наличие в брачном договоре условий, ставящих одного из супругов в крайне неблагоприятное положение, преследует своей целью эффективное применение нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций. Вопрос же о том, ставят ли условия конкретного брачного договора одну из сторон в крайне неблагоприятное положение, решается судом в каждом конкретном случае на основе установления и исследования фактических обстоятельств дела и оценки представленных сторонами доказательств.

Так, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в рамках дела № 78-КГ20-14 вынесла определение, согласно которому брачный договор был признан недействительной сделкой, так как по его условиям совместно нажитое имущество в полном объеме переходило к одному из супругов [9].

Следует учитывать, что Верховный суд Российской Федерации указывает на то, что несоразмерность выделенного каждому из супругов имущества сама по себе не является основанием для признания брачного договора недействительным [8].

Отметим, что заявителем о признании недействительным брачного договора по рассматриваемому нами основанию может быть только супруг,

который считает, что условиями договора он был поставлен в крайне неблагоприятное положение.

В ходе анализа судебной практики по признанию брачного договора недействительным по указанному основанию нами было установлено, что в настоящее время суды при рассмотрении такого рода дел не руководствуются материальным положением супруга до брака.

В то же время, как представляется, основной замысел законодателя, предоставляющего возможность признать брачный договор недействительным по исследуемому основанию, состоит в некотором ограничении усмотрения сторон при заключении брачного договора для того, чтобы супруги, определяя свои имущественные права в браке и на случай его расторжения, стремились к равноценности этих прав.

Считаем, что при разрешении указанных споров, судам необходимо, в том числе, оценивать материальное положение супруга до заключения брака с его материальным положением на дату опротестования брачного договора.

Так как неправомерным будет являться решение суда о признании брачного договора недействительным, если материальное положение супруга, оспаривающего брачный договор по причине «крайне неблагоприятного положения», в которое договор его ставит, улучшилось.

А также немаловажным будет и оценивание причин, по которым ухудшилось материальное положение супруга.

Примечательно, что в действующем законодательстве не указано, в какой момент один из супругов может оказаться в неблагоприятном положении: в момент заключения договора или предъявления иска. Логично предположить, что супруг может требовать признания договора недействительным по данному основанию, если поставлен в крайне неблагоприятное положение в момент предъявления иска.

Представляется, что отсутствие четкого толкования понятия «крайне неблагоприятное положение» допускает широту интерпретации данного понятия. Считаем, что в настоящее время существует необходимость Верховному Суду Российской Федерации дать соответствующие признав, разъяснения ЭТОМУ К примеру вопросу, неблагоприятным положением» существенный ущерб имуществу одного из супругов.

Кроме того, прежде чем вступать в судебный процесс, необходимо учесть сроки исковой давности. На семейные споры исковая давность, как правило, не распространяется, но поскольку брачный договор затрагивает имущественные и финансовые стороны семейных отношений, то для рассматриваемых нами споров закон предусматривает конкретные сроки.

Так, срок исковой давности по требованию о применении последствий недействительности ничтожной сделки составляет три года. Иной срок

установлен для предъявления требования о признании оспоримой сделки недействительной, и он составляет один год.

Как отмечают Дьяченко Т.Е. и Лунёва Е.Н., «из рассмотренной судебной практики за 2019-2020 г. становится также очевидным, что участились случаи использования брачного договора, как инструмента для причинения вреда третьим лицам, например, кредиторам» [5].

В связи с этим, отметим, что законодательством о банкротстве установлены специальные основания признания брачного договора недействительной сделкой.

Так, суды в рамках дел о несостоятельности (банкротстве) супругов могут признать недействительным брачный договор в качестве подозрительной сделки, совершенной в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов.

Например, если наиболее значительная часть общего имущества супругов по условиям брачного договора переходит в собственность супруга, который не является должником, вследствие чего уменьшается конкурсная масса, брачный договор как правовое основание такого уменьшения признается судом в силу ст. 61.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ [3] недействительной сделкой.

Однако следует учитывать, что применение указанной статьи возможно при наличии определенных условий. Во-первых, такая сделка должна быть совершена в течение трех лет до принятия заявления о признании должника банкротом или после принятия указанного заявления. Во-вторых, в результате ее совершения должен быть причинен вред имущественным правам кредиторов. В-третьих, другая сторона сделки должны была знать о цели сокрытия средств должника к моменту совершения сделки.

Таким образом, регулирование брачного договора должно исходить из разумной защиты имущественных прав любого супруга. В этом смысле брачный договор должен стать действительно правовым средством защиты прав сторон, его заключающих, а не напротив, инструментом, посредством которого оказаться в уязвленном положении может как из сторон договора, так и третье лицо.

Список литературы

Нормативно-правовые акты:

- 1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 12.05.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
- 2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-Ф3 (ред. от 06.02.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
- 3. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 30.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

Специальная литература:

- 4. Анапольская А.И., Толмачев Д.Ю. <u>Актуальные вопросы признания брачного договора недействительным</u> // <u>Современное общество и власть</u>. 2018. № 1 (15). С. 74-79.
- 5. Дьяченко Т.Е., Лунёва Е.Н. Брачный договор свобода выбора или инструмент ущемления прав одного из супругов и кредиторов // <u>Modern Science</u>. 2020. № 11-1. С. 75-78.
- 6. Шумова К.А., Сидорова С.В. Брачный договор: основные аспекты, признание недействительным договора в суде // Бюллетень науки и практики. Т. 6. № 8. 2020. С. 222-225.

Материалы правоприменительной практики:

- 7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15 (ред. от 06.02.2007) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // СПС «КонсультантПлюс».
- 8. <u>Определение Верховного Суда РФ от 24.05.2016 № 18-КГ16-10</u> // СПС «КонсультантПлюс».
- 9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26.05.2020 № 78-КГ20-14 // СПС «КонсультантПлюс»

THEORETICAL AND LEGAL BASIS FOR RECOGNIZING A MARRIAGE AGREEMENT INVALID

E.S. Lovtsevich

Tver State University

The article systematically examines the features of recognizing a marriage contract as invalid by considering both general and special grounds for its invalidity. The main issues arising from law enforcement officers in resolving cases related to challenging marriage contracts are identified, options for their solution are proposed.

Key words: contract, marriage contract, invalidity of the marriage contract, voidable contract, void contract.

ЛОВЦЕВИЧ Елизавета Сергеевна — студентка 1 курса направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция, программа «Правовые основы семьи и брака»

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА БРАЧНОГО ДОГОВОРА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

П.Ю. Лукаш

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Исследуется правовая природа брачного договора. Автор анализирует как гражданско-правовые элементы брачного договора, так и семейно-правовые. Автор приходит к выводу о том, что брачный договор является комплексным.

Ключевые слова: соглашение, договор, брачный договор, правовая природа брачного договора, законный режим собственности супругов, режим совместной собственности, режим долевой собственности, режим раздельной собственности, права и обязанности супругов.

Всё большую актуальность набирает вопрос о необходимости заключения брачного договора между супругами. Буквально двадцать лет назад обществу с особыми идеологическими взглядами, сформировавшемся в условиях отсутствия частной собственности, было чуждо понятие брачного договора. Оно чуть ли не возводилось в ранг «табу». Но с развитием и усложнением экономических связей в обществе и внутри конкретной семьи, вслед за психологическим непринятием наступило осознание полезности и эффективности заключения такого договора, которым возможно не только изменить законный режим совместной собственности супругов, но и защитить собственность одного супруга от притязаний кредиторов.

Появление брачного договора в российской правовой действительности связано с принятием части первой Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) и введением его в действие с 1 января 1995 г.

В действующей редакции статьи 256 ГК РФ закреплено, что изменение законного режима совместной собственности супругов возможно посредством заключения брачного договора. Причем с принятием Федерального закона от 19.07.2018 № 217-ФЗ, которым внесены изменения в содержание статьи 256 ГК РФ, брачный договор — это единственный договор, который может изменить законный режим совместной собственности супругов.

В свою очередь, в СК РФ в статье 40 закреплено понятие брачного договора. Данная статья позволяет выделить признаки брачного договора, среди которых: брачный договор — это, прежде всего, соглашение; наличествует особый субъектный состав соглашения; направленность соглашения на закрепление именно имущественных прав и обязанностей супругов.

Юридическая природа — это юридическая характеристика определенного явления, выражающая его особую специфику, которая определяет его место и функции среди всех прочих правовых явлений в

соответствии с его социальной природой [1, с. 227]. Данное понимание юридической природы, предложенное С.С. Алексеевым, считается устоявшимся. В юридической литературе существуют разные точки зрения относительно вопроса юридической природы брачного договора: одни ученые считают, что брачный договор имеет гражданско-правовую природу, а другие относят его к особым семейно-правовым сделкам.

Обращаясь к наименованию брачного договора, стоит все-таки признать, что брачный договор — это договор, поэтому обратимся к общим положениям гражданского кодекса о договоре, а именно к статье 420 ГК РФ. Анализ данной статьи приводит к выводу о том, что брачный договор должен отвечать требованиям, которые установлены для гражданскоправовых договоров, а именно: дееспособность лиц, заключающих договор, свобода их волеизъявления, соответствие содержания договора закону, а также соблюдение установленной формы договора [8, с. 224].

Несмотря на то, что ГК РФ не содержит дальнейшей конкретизации отношений, связанных с условиями заключения, содержанием и другими пунктами брачного договора, его значение в данной части нельзя недооценивать. Гражданский кодекс, который содержит общие положения о договоре – является базой, фундаментом, на котором уже, в свою очередь, семейное законодательство выстраивает специальные нормы регулирования отношений в рамках брачного договора.

Приведем позиции ученых-цивилистов, которые считают, что брачный договор имеет гражданско-правовую природу. Так, М.В. Антокольская считает, что брачный договор есть особый вид гражданского, входящий в категорию договоров, которые направлены на установление или изменение правового режима имущества. [12, с. 432]. А.А. Иванов утверждает, что брачный договор — обычная гражданско-правовая сделка и потому подчиняется правилам о сделках, обязательствах и договорах [4, с. 310]. Б.М. Гонгало и П.В. Крашенинников также полагают, что исследуемое явление не относится к уникальным, оно — одно из многих в ряду гражданско-правовых договоров: во-первых, сама возможность его заключения предусмотрена в ГК РФ, во-вторых, изменение и расторжение производятся по основаниям и в порядке, установленным гражданским законом (п. 2 ст. 43 СК РФ) [6, с. 89].

Брачный договор рассматривается как разновидность гражданскоправового договора. Доказательством к вышеуказанному тезису являются не только аргументы авторов, упомянутые ранее, но и нормы СК РФ, предусматривающие возможность оспорить брачный договор или признать его в качестве ничтожной сделки по основаниям, предусмотренным именно гражданским законодательством [2, с. 12]. Коме того, убедительным доказательством гражданско-правового характера брачного договора служат положения пункта 3. статьи 42 СК РФ об условиях, включение в брачный договор которых – недопустимо. Речь идет о положениях, которые относятся к классическим цивилистическим правилам: обеспечение равноправия сторон, запрет ограничения правоспособности и другие), а также положения о том, что брачный договор не может регулировать «чисто» семейные, личные неимущественные отношения между супругами и по отношению к детям, например.

Брачный договор обладает спецификой, которая закреплена в семейном законодательстве и позволяет говорить о его семейно-правовой юридической природе. К особенностям брачного договора можно отнести следующие его элементы: субъектный состав, время заключения, момент прекращения его действия, предмет и содержание.

Как следует из ст. 40 СК РФ, брачный договор – есть соглашение. «Такое соглашение в отличие от соглашения, предусмотренного ГК РФ, может быть заключено не всяким лицом, а лишь лицами, желающими вступить в брак, либо лицами, состоящими в браке» [10, с. 235], между которыми существуют особые личностные отношения, что характеризует особый субъектный состав брачного договора.

Момент заключения брачного договора связан с моментом регистрации брака. Даже если брачный договор заключен перед государственной регистрацией брака, то вступает он в законную силу именно с момента регистрации брака. Если брачный договор не заключен до регистрации брака, то он может быть заключен в любое время в период брака. Момент прекращения действия брачного договора также связан с моментом прекращения брака. Брачный договор прекращает свое действие в момент прекращения брака.

Что касается предмета и содержания брачного договора, то его предметом являются имущественные отношения, а содержание раскрывается в условиях, в которых стороны устанавливают правовой режим супружеского имущества. Объектом брачного договора являются имущественные и алиментные права и обязанности супругов, тогда как предмет — это совокупность имущественных отношений, вопросы управления, распоряжения, раздела, выделения содержания, а также алиментные отношения. Необходимо отметить, что условия брачного договора могут относиться как к уже существующим правам и обязанностям, так и к правам и обязанностям на имущество, которые появятся в будущем времени.

Кроме того, представляется обоснованной позиция Е.Л. Невзгодиной, которая в своих научных трудах говорит о том, что, «если исходить из легального определения сделки, то очевидно, что гражданское право не обладает «монополией» на сделки или, что то же, сделки могут быть регулятором не только «стерильно чистых» гражданско-правовых отношений, тем более, существует целый ряд смежных отраслей права, настолько связанных между собой, что провести прямую разделительную

линию между ними, делающую их «химически чистыми», можно лишь искусственно» [8, с. 227]. Если бы действительно верным было утверждение о том, что сделки регулируют исключительно гражданские отношения, то ставится под сомнение существование не только договоров, присущих специфическим отраслям права, но и самих этих отраслей права. Трудовой договор не становится гражданским от того, что он является сделкой. Но он также порождает права и обязанности, правда у особого субъектного состава и при других комплексных условиях.

Кроме того, в рамках концепции о самостоятельности отрасли семейного права возникло суждение о том, что нормы брачного договора полностью подчиняются нормам семейного права. Так, Нечаева Н.А., занимает позицию о том, что речь идет не о гражданско-правовом договоре как сделке имущественного характера, заключаемой между физическими лицами, а о весьма своеобразной, основанной на личных отношениях, договоренности относительно судьбы имущества. И такая договоренность напрямую связана с браком [7, с. 289].

Таким образом, договорная конструкция брачного договора — не есть безусловный критерий, относящий брачный договор к гражданскоправовой сделке.

Также нельзя недооценивать лично-доверительный характер отношений, установившийся между субъектами брачного договора еще до его заключения.

Брачный договор, как правовая конструкция, позволяет оформить семейные правоотношения, демонстрируя тем самым их специфику и семейно — правовую сущность, которая проявляется в следующих чертах: определенный субъектный состав; брачный договор зависим от брака, вне брака он не существует; своеобразие предмета договора (наличное имущество, а также имущество, приобретенное в будущем); особое содержание; тесная связь с личными отношениями.

Таким образом, проанализировав гражданско-правовые и семейно-правовые нормы, регламентирующие брачный договор, следует отметить, что брачный договор — двусторонний, консенсуальный и возмездный вид гражданско-правового договора исключительно между супругами либо лицами, вступающими в брак, предмет которого являются имущественные отношения этих самых супругов. В общем понимании правовая природа брачного договора представляет собой его принадлежность к определенному элементу системы права. В этом смысле он прежде всего рассматривается как институт семейного права. В то же время, определяя правовую природу брачного договора, нельзя не выделить его комплексный характер как института семейного и гражданского права [13, с. 28].

Брачный договор имеет сложную, можно даже сказать – двойственную, юридическую природу, поскольку его нельзя отнести в полной мере ни к гражданско-правовой сделке, ни к семейно-правовой. Поскольку при

действии брачного договора имеют место не чисто гражданские отношения, как в других договорах, поименованных в ГК РФ, а именно семейные отношения, имеющие свою специфику. Ведь брачный договор регламентирует лишь часть отношений между супругами, что вовсе не исключает применения основных начал семейного законодательства, принципа взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов (ст. 1 СК РФ) [5, с. 32].

Иными словами, брачный договор — есть гражданско-правовая сделка в том смысле, что определяются имущественные правоотношения собственности супругов. Напротив, брачный договор — семейно-правовая сделка, поскольку им регулируются все-таки особые, семейные, правоотношения, например, по вопросам алиментов.

Список литературы

- 1. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М.: Юридическая литература, 1989. С. 227.;
- 2. Гонгало Б.М., Крашенинников П.В. Брачный договор. М., 2006. 12 с.
- 3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 10.05.2017) / Собрание законодательства РФ. 1994. №32. Ст. 3301;
- 4. Гражданское право / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. Ч. 3. С. 310.
- 5. Замрий О.Н. Дисбаланс интересов супругов (бывших супругов) в имущественных отношений как предпосылка реформирования семейного и гражданского законодательства // Вестник Тверского Государственного Университета. Серия: Право. 2019. №4. С. 28-34.;
- 6. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / под общ. Ред. П.В. Крашенинникова и П.И. Седугина. М., 1997. С. 89;
 - 7. Нечаева А.М. Семейное право. М.: Юрайт, 2012. 289 с.;
- 8. Невзгодина Е.Л. Проблемы юридической квалификации брачного договора по законодательству Российской Федерации // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. №3 (28). С. 115.;
- 9. Пчелинцева Л.М. Семейное право России /- 6-ое изд., перераб. М.: HOPMA, 2016. 227 с.;
- 10. Семейное право / под ред. Ю.Ф. Беспалова, О.А. Егоровой, О.Ю. Ильиной, -М.: ЮНИТИ ДАНА: Закон и право, 2015. 235с.;
- 11. Семейное право / под ред. Антокольской М.В. М.: Инфра-М, Норма, 2013. 432 с.;
- 12. Семейное право / под ред. П.В. Крашенинникова. М.: 2007. 103–104 с.;

- 13. Степкин С.П. Правовая природа брачного договора // Семейное и жилищное право. 2018. N 2. C. 28.;
- 14. Федеральный закон от 19 июля 2018 г. N 217-ФЗ "О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации"// Собрании законодательства Российской Федерации от 23 июля 2018 г. N 30 ст. 4552.

LEGAL NATURE OF THE MARRIAGE TREATY UNDER THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

P.Y. Lukash

Tver State University

The article examines the legal nature of the marriage contract. The author analyzes both: the civil law elements of a marriage contract and elements of law of domestic relations. The author concludes that the marriage agreement is comprehensive.

Keywords: agreement, contract, marriage contract, legal nature of marriage contract, legal regime of property of spouses, rights and obligations of spouses.

ЛУКАШ Павел Юрьевич — студент 1 курса направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция, программа «Правовые основы семьи и брака», e-mail: pasha.lukash@yandex.ru

ФАКТИЧЕСКИЕ БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ, ПРОБЛЕМЫ ИХ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Д.С. Лунев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматриваются вопросы, связанные с распространением фактических брачных отношений. Проанализирована зарубежная статистика иностранных граждан к данному союзу, а также отношения граждан к социальному институту — семья. Выявлены юридические значимые признаки фактического брака. Рассмотрены разные точки зрения авторов к фактическим отношениям. Выявлены проблемы к отсутствию правовой урегулированности таких отношений, а также изучен опыт иностранных государств по регулировании фактических брачных отношений. Сделан вывод о том, что необходима возможность признания фактического брака в России.

Ключевые слова: фактические брачные отношения, правовое регулирование, проблемы, совместное проживание, законодательство.

– это неофициальный союз Фактический брак ДВУХ проживающих вместе, имеющих совместный быт и ведущих общее хозяйство, осуществляющих по отношению друг к другу права и обязанности супругов, регулируется гражданским которые законодательством. Отсутствие урегулированности данных отношений со стороны семейного права порождает значительное количество трудностей неопределенность характера: прав общей собственности фактических супругов на совместно нажитое имущество, наследования друг за другом, права детей, рожденных в фактическом браке, отсутствие возможности совместного усыновления детей. Существует необходимость фактического семейным признания брака законодательством, а также возможности применения некоторых правовых последствий зарегистрированного брака к данным отношениям. Семейные и брачные отношения развиваются и эволюционируют вследствие происходящих в общественном сознании изменений. В последнее время между людьми растёт тенденция к созданию фактических браков. При этом данная тенденция характерна не только для России, но и для многих иностранных государств.

Например, в фактических брачных отношениях в странах Евросоюза состоят приблизительно 6 % молодых пар возраста 16 – 29 лет, при этом региональные различия по данному показателю варьируются от 6 до 92 %. Например, для Италии данный показатель равен 6 %, Испании – 14 %, Дании, Франции и Нидерландов – по 72, 46 и 54 % соответственно. Для России данный показатель, по различным источникам, варьируется от 7 до 11 % [4, c. 565].

На основании результатов исследований ВЦИОМ, можно сделать выводы, что семейные отношения являются для большинства россиян очень

значимыми. Так, 85% россиян считают семью самым важным в жизни, 77% придерживаются мнения о необходимости создания семьи и регистрации отношений» [8]. По данным другого опроса ВЦИОМ о причинах счастья, 29% респондентов сказали — семья. Каждый четвертый указал на собственное хорошее самочувствие и здоровье близких — 25%, наличие детей делает счастливым 14% россиян. Приносят счастье и хорошая работа (11%), и хорошее материальное положение (9%). Но всё-таки именно наличие семьи позволяет большинству людей чувствовать себя счастливыми [9].

Исходя из общих начал семейного законодательства, зафиксированных в ст. 1 Семейного кодекса РФ браком признается лишь брак, заключенный только в органах записи актов гражданского состояния. Данные положения непосредственно влияют на применение к данным отношениям норм гражданского, наследственного, жилищного и иных отраслей права.

В истории отечественного государства и права существовала возможность того, что суд мог фактические брачные отношения приравнять по правам и обязанностям для супругов к официальному браку. Это допускалось в соответствии с Кодексом законов о браке, семье, опеке РСФСР 1926 года и до Указа Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944 года в соответствии с п. 19 указа произошли изменения в правовом регулировании сферы брака, семьи, опеки. Было установлено, что «только зарегистрированный брак порождает права и обязанности супругов, предусмотренные кодексами законов о браке, семье и опеке союзных республик. Лица, фактически состоящие в брачных отношениях до издания настоящего Указа, могут оформить свои отношения путем регистрации брака с указанием срока фактической совместной жизни [11].

Н. Н. Тарусина высказывает свою позицию о том, что несмотря на свою достаточно широкую распространенность, «фактический брак неосновательно подвергнут в настоящее время правовой дискриминации» [10, с. 60]. По мнению Е.В. Чигриной, «изменение традиционных положений семейного права требует приведения законодательства в соответствие с современной реальностью» [12]. И.Р. Альбиков отмечает необходимость защиты прав и интересов лиц, состоящих в фактических супружеских отношениях [1].

Другие исследователи, напротив, полагают, что «отечественное семейное прав не может включать в круг своих задач регулирование отношений, не являющихся именно семейными. К числу необходимых признаков относятся: юридический факт заключения брака между мужчиной и женщиной, наличие родственно-семейных связей, защита и обеспечение прав и интересов ребенка» и что «семья изначально образовывается и пребывает только в рамках закон [6]. Сожительство как брачное состояние без регистрации не порождает семейно-правовых последствий и свидетельствует о легкомыслии в брачных отношениях» [3].

Нужно установить, что представляет собой фактический брак как понятийная категория. Для этого следует определить юридически значимые признаки, позволяющие квалифицировать отношения между людьми в качестве фактического брака. Таковыми выступают: моногамность, отсутствие регистрации таких отношений в органах ЗАГС, соблюдение условий, зафиксированных в ст.ст. 12 и 14 СК РФ, совместное проживание и ведение хозяйства, то есть удовлетворение повседневных потребностей, осуществляемое в интересах обоих лиц по их взаимному согласию, длительность совместного проживания, фактическое a также осуществление прав и обязанностей супругов по отношению друг к другу [2, c. 107].

Таким образом, ПОД фактическим браком понимается незарегистрированный в органах ЗАГС добровольный союз мужчины и женщины, длительно проживающих совместно и ведущих совместное хозяйство, осуществляющих по отношению друг к другу права и обязанности супругов, характеризующийся наличием близких отношений, отсутствием близкого родства фактического И другого зарегистрированного брака. Важно, что такие отношения должны восприниматься самими супругами в качестве единого семейного союза.

урегулированности Отсутствие данных отношений порождает значительное количество трудностей правового характера. Например, супруги приобретают прав общей не собственности на совместно нажитое имущество, в том числе и при взаимном трудовом участии в его приобретении, фактические супруги не имеют возможности наследования друг за другом, кроме случаев, когда другой супруг указан в завещании или же находился в положении иждивенца по отношению к умершему супругу. Они также не имеют права на получение компенсаций и выплат. Отсутствие возможности совместного усыновления детей фактическими супругами. Также появляется проблема сохранения семейной тайны внутри семьи. Наличие тайны между лицами состоящих в официальном браке не вызывает вопросов, поскольку законодательство регулирует данные отношения. Но семейная тайна может уже существовать и с момента установления фактических брачных отношений, например, зачатие ребёнка, которое произошло до вступления в законный брак [5, с. 239].

В Германии, Норвегии, Швеции, Великобритании фактические брачные отношения в какой-то степени получили урегулирование правом.

Законодательство Германии признает фактический брак образованием общества гражданского права, то есть объединением лиц, не являющимся юридическим лицом, но которое вправе иметь обособленное имущество. Во Франции существует возможность заключить договор о совместной жизни как альтернативу браку, подлежащий государственной регистрации. В Норвегии, в соответствии с Законом «О совместном домашнем хозяйстве»

1991 г., лица, проживающие в фактическом браке, имеют схожие права с лицами, которые состоят в браке в сфере социального обеспечения и налогообложения. Швеция стала первым современным государством, законодательно признавшим отношения сожительства. В данных отношениях партнеры не обязаны материально поддерживать друг друга, их совместным имуществом признается жилище и предметы домашней обстановки. Фактическое сожительство не создает общих долгов для партнеров. Сожители не имеют права на общую фамилию и совместное налогообложение, но они вправе не свидетельствовать друг против друга. Шведское законодательство допускает совместную опеку сожителей над детьми друг друга. В Великобритании сожителям разрешено совместное усыновление одного и того же ребенка [7, с. 63].

В итоге, нужно принять во внимание данные положения иностранного законодательства для создания правового регулирования фактических брачных отношений в России.

Наличие данных проблем вызывает необходимость признания фактического брака семейным законодательством, а также возможности применения некоторых правовых последствий зарегистрированного брака к данным отношениям. Необходима возможность признания фактического способами: брака двумя путем заключения между сторонами соответствующего соглашения или же признания совместного проживания фактическим браком в судебном порядке. Необходимо закрепить случаи, когда фактический брак считается расторгнутым.

Список литературы

- 1. Альбиков И.Р. Защита прав и интересов лиц, состоящих в фактических супружеских отношениях: проблемы и правовые особенности их разрешения // Семейное и жилищное право. 2015. № 2. С. 14-15.
- 2. Выборнова М. М. Понятие и признаки фактического брака разнополых лиц // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 2. С. 159 167.
- 3. Короткова Л.П., Вихров А.П. Семья только в рамках закона //Правоведение. -1994. № 5-6. С. 160.
 - 4. Исупова О. Г. Мы просто живем вместе // Демоскоп Weekly. 2013.
- 5. Маклаков И.В. (2016) Семейная тайна в незарегистрированном браке. Вестник ТвГУ. Серия: Право (1). С. 238-244.
- 6. Малинова А.Г. Семейное право и псевдогендерная идеология // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. N 2017. -
- 7. Орловская А. В. Фактический брак (сожительство) в законодательстве европейских государств // Право и современные государства. 2012. № 6. С. 60 68.

- 8. Отношение к бракам и разводам: мониторинг. Всероссийский опрос «ВЦИОМ Спутник» 4 июля 2019 г.
- 9. Счастье в России: мониторинг. Всероссийский опрос «ВЦИОМ Спутник» 01 августа 2017 г.
 - 10. Тарусина Н. Н. Семейное право. М.: Проспект, 2001. 144 с.
- 11. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944 года «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»
- 12. Чигрина Е.В. О проблемах правового регулирования фактических брачных отношений // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015.

ACTUAL MARRIAGE RELATIONSHIP IN RUSSIAN LAW, THE PROBLEMS OF THEIR REGULATION

D.S. Lunev

Tver State University

The article discusses issues related to the spread of actual marriage relations. The foreign statistics of foreign citizens to this union are analyzed, as well as the attitude of citizens to the social institution – the family. Revealed legal significant signs of actual marriage. Different points of view of the authors to actual relations are considered. The problems of the lack of legal regulation of such relations are identified, and the experience of foreign states in the regulation of actual marriage relations is studied. It is concluded that it is necessary to be able to recognize a de facto marriage in Russia.

Key words: actual marriage relations, legal regulation, problems, cohabitation, legislation.

ЛУНЕВ Данила Сергеевич — студент 1 курса направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция, программа «Правовые основы семьи и брака», e-mail: danila-lunev@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОРЯДКА ОБЩЕНИЯ РЕБЕНКА С РОДИТЕЛЕМ, ПРОЖИВАЮЩИМ ОТДЕЛЬНО

И.А. Маслов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Родители, имеющие общего ребенка, но проживая раздельно, зачастую не могут самостоятельно урегулировать возникающие между ними споры. В связи с этим, в настоящее время основным инструментом разрешения семейных споров в части определения порядка общения ребенка с родителем, проживающим отдельно, является судебный процесс. Несмотря на то, что судебная практика за длительный период времени определила общие правила разрешения споров, возникающих из семейных правоотношений, в настоящее время существует значительное число пока неразрешенных проблем.

Ключевые слова: право ребенка; родитель, проживающий отдельно; семейное законодательство; порядок общения.

По смыслу ст. 55 Семейного кодекса РФ [2] (далее — СК РФ) право ребенка на общение с обоими родителями означает также, что он обладает правом на общение с тем из них, который проживает отдельно, в частности при условии разрыва семейной связи из-за расторжения брака или признания его недействительным.

Положения Декларации прав ребёнка, принятой 20 ноября 1959 года [1], закрепляют принцип, согласно которому для полного и гармоничного развития личности ребёнка, родители должны создавать для него атмосферу любви, понимания, моральной и материальной обеспеченности. Чтобы сохранить эту атмосферу любви к ребёнку в случае развода родители должны поддерживать благоприятные взаимоотношения между собой и определить оптимальный график общения с ребёнком, позволяющий с учетом возраста и индивидуальных особенностей ребёнка получать, пусть дозированное, но необходимое ему общение с отдельно проживающим родителем.

Примечательно, семейного что В соответствии нормами законодательства родители имеют равные права И несут равные обязанности в отношении своих детей (ст. 61 CK $P\Phi$), осуществление родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка, ограничено определенным перечнем, указанным в п. 1 ст. 66 СК РΦ.

В связи с этим возникает вопрос: как права родителей могут быть абсолютно равны, если законодатель ставит ограничение на осуществление прав родителя, проживающего отдельно?

На наш взгляд, равенство прав и обязанностей родителей, проживающих раздельно, не может быть абсолютным.

Так, в соответствии с действующим законодательством представляется возможным установить равный для обоих родителей, проживающих отдельно, порядок общения с ребёнком (например, полгода ребенок живет у одного родителя, полгода у другого), однако, руководствуясь интересами ребенка, особенностями его психики, такой порядок нельзя признать соответствующим интересам последнего.

Из ст. 55 СК РФ и ст. 66 СК РФ положений следует, что суд при разрешении спора об определения порядка общения ребенка с родителем, проживающим отдельно, должен исходить из интересов ребенка и баланса интересов родителей.

Ориентир правоприменительной практике задает п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» [8] (далее — ППВС № 10). В указанном пункте разъяснено, что при определении порядка общения родителя с ребенком суд должен принимать во внимание состояние здоровья ребенка, его возраст, определить степень привязанности ребенка к каждому из родителей, то есть оценить в совокупности все обстоятельства дела, способные оказать воздействие на физическое и психическое здоровье ребенка, на его нравственное развитие.

Проанализировав правоприменительную практику судов различных инстанций о порядке определения общения ребенка с родителем, проживающим отдельно, нами были выявлены следующие обстоятельства, которые имели значение для разрешения дела:

- Возраст ребенка. Например, определение порядка общения новорожденного ребенка с отцом без присутствия матери, может нанести вред его психологическому и физическому здоровью.
- Состояние здоровья ребенка. Наличие серьезного заболевания у ребенка, необходимость приема определенных лекарств, обязательное плановое обследование в медицинских учреждениях являются факторами, влияющими на определение продолжительности общения ребенка с родителем, проживающим отдельно.
- Наличие жилищных условий для воспитания и полноценного развития ребенка. Родитель, проживающий отдельно, должен иметь жилое помещение, спальное место, быть обеспечен продуктами питания, игрушками, книгами и т.д.
- Режим дня несовершеннолетнего. Родитель, проживающий отдельно, должен следовать режиму дня ребенка, например, обеспечить условия его посещения образовательного учреждения в соответствии с учебным графиком.
 - Степень привязанности ребенка к родителю.

Так, решением Калужского районного суда Калужской области по исковому заявлению одного родителя к другому определен порядок общения истца с сыном в первое и третье воскресенье каждого месяца в

течение двух часов в присутствии матери, в то время как истец просил определить иной порядок общения с сыном.

Суд, при определении порядка общения отца с ребенком, учел его малолетний возраст и наличие инвалидности. Кроме того, судом было установлено, что ребенок не привязан к отцу, так как не видел и не общался с ним с момента своего рождения, и в связи с этим пришел к выводу о том, что оставление малолетнего ребенка с отцом, который ему неизвестен, может причинить ребенку психологическую травму [9].

С недавних пор в решениях судов по спорам о воспитании детей стали появляться условия об «адаптационном периоде» — промежуток времени, предусмотренный для общения отдельно проживающего родителя с ребенком в присутствии второго родителя.

Так, например, Всеволжский городской суд для налаживания детско-родительских отношений установил адаптационный период на срок, в течение которого родитель общается с ребенком ограниченное количество дней в сопровождении другого родителя. Впоследствии с учетом сложившихся отношений ребенка и родителя порядок общения изменяется [10].

Учитывая необходимость суда при разрешении указанных споров самостоятельно производить диагностику внутрисемейных отношений, в определенных случаях судом назначается психиатрическая экспертиза.

Так, по данным обзора судебной практики, судами назначались экспертизы для выяснения следующих обстоятельств дела:

- выявление психологических особенностей каждого из родителей и ребенка;
 - определение степени привязанности ребенка к каждому из родителей;
- выявление мнения ребенка о том, с кем из родителей он хочет проживать;
- определение наличия или отсутствия психологического влияния на ребенка со стороны одного из родителей.

Так, например, Воскресенский городской суд Московской области при определении порядка общения ребенка с отцом, проживающим отдельно, принял во внимание заключение комиссии экспертов о наличии у родителя психического расстройства. В заключении было указано, что психическое расстройство отца не лишает его способности осознавать значение своих действий и руководить ими, вследствие чего опасности для своего несовершеннолетнего сына он не представляет.

Суд, учитывая степень участия каждого родителя в воспитании ребенка, возраст ребенка, характер работы родителей, жилищно-бытовые условия, а также заключение психиатрической экспертизы определил порядок общения, достаточный по количеству времени и отвечающий интересам как ребенка, так и его родителей [11].

Представляется, что без заключения психиатрической экспертизы, подтверждающей возможность общения ребенка с отцом, имеющим психическое расстройство, суд не определил бы такой порядок общения, который бы отвечал интересам ребенка и родителя, проживающего отдельно.

Как указывают Ильина О.Ю. и Русаковская О.А., «обязательным этапом комплексной судебно-психиатрической экспертизы является проведение психиатрического исследования, включающего сбор объективного анамнеза (осуществляется, преимущественно, по материалам гражданского дела и, при ее наличии, медицинской документации), сбор субъективного анамнеза (осуществляется в ходе направленной беседы с испытуемым), клиническое (психопатологическое) исследование» [7].

Таким образом, грамотно проведенное исследование позволяет оценить действительные отношения между участниками судебного процесса, в том числе определить сфокусирован ли родитель на ребенке и его интересах или на супружеском конфликте. Безусловно, для суда заключение эксперта является одним из основополагающих доказательств, позволяющих вынести справедливое и законное решение, исходя из интересов не только родителей, но и ребенка.

Следует учитывать, что согласно ст. 57 СК РФ ребенок вправе выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного процесса. Однако данное правило не обязательно, если ребенок достиг десятилетнего возраста, но учет его мнения будет противоречить его же интересам.

Особенности применения данной нормы разъяснены в п. 20 ППВС № 10, в котором указано, что до опроса несовершеннолетнего в суде следует выяснить мнение органа опеки и попечительства, и определить не будет ли оказано на ребенка неблагоприятного воздействия его нахождение в судебном заседании.

Также одной из проблем в правоприменительной практике является слишком детализированный порядок общения ребенка с родителем, проживающим отдельно, описываемый в исковом заявлении.

Как отмечает Громоздина М.В.: «чем детальнее будет решение суда, тем больше оснований для его нарушения, так как невозможно предусмотреть все возможные варианты поведении родителей» [5].

В связи с этим возможны отхождения от графика общения, установленного судебным актом, что ставит под сомнение возможность реализации прав отдельно проживающего родителя.

Так, например, нередки случаи, когда должностные лица, осуществляющие принудительное исполнение, сталкиваются с нежеланием одного родителя обеспечить общение ребенка с отдельно проживающим родителем. Однако нормы действующего законодательства не допускают принудительное физическое отобрание ребенка у другого родителя в случае

создания им препятствий для передачи ребенка. Воздействие на родителя, не исполняющего требования судебного акта, устанавливающего порядок общения с ребенком, сводится к применению мер административной ответственности (п. 2 ст. 5.35 Кодекса об административных правонарушениях РФ [3]).

Еще одной предусмотренной законом мерой воздействия на родителя, не исполняющего решение суда, является возможность передачи ребенка другому родителю на основании п. 3 ст. 66 СК РФ. Однако, по мнению Кузьминой С.В. «данная мера воздействия, являясь более действенной, не всегда соотносится с интересами ребенка» [6].

По нашему мнению, проблемы исполнения судебных актов, определяющих порядок общения отдельно проживающего родителя с ребенком, требуют модификации действующего законодательства, а именно внесения изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ [4] в части расширения возможностей принудительного исполнения и регламентации порядка участия специалиста (психолога) в указанной категории исполнительных производств.

Таким образом, судам при определении порядка общения ребенка с родителем, проживающим отдельно, следует учитывать не только интересы родителей, но и ребенка, а также учитывать мнение экспертов психологов, которые могут объективно оценить сложившуюся ситуацию отдельной семьи и выработать оптимальное решение спора.

Список литературы:

Нормативно-правовые акты:

- 1. Декларация прав ребенка (Принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс.
- 2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-Ф3 (ред. от 06.02.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
- 3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-Ф3 (ред. от 30.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
- 4. Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 01.04.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

Специальная литература:

5. Громоздина М.В. Порядок осуществления родительских прав при раздельном проживании родителей: критерии установления и реальное исполнение // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 92 — 96. Режим доступа: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29368318 Дата обращения: 17.01.2021.

- 6. Кузьмина С.В. Проблемы исполнения судебных актов, определяющих порядок общения отдельно проживающего родителя с ребенком // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей X Международной научно-практической конференции: в 2 ч. 2018. С. 201 203. Режим доступа: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32617403 Дата обращения: 17.01.2021.
- 7. Ильина О.Ю., Русаковская О.А. Об использовании специальных знаний при рассмотрении судебных споров о воспитании детей родителями, проживающими раздельно // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2019. № 4 (60). С. 127-136. Режим доступа: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41575340 Дата обращения: 17.01.2021

Материалы правоприменительной практики:

- 8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // СПС «КонсультантПлюс».
- 9. Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011) // СПС «КонсультантПлюс».
- 10. Решение Всеволожского городского суда от 28.11.2019 г. по делу № 2-2424/2019 // Информационная база «СудАкт».
- 11. Решение Воскресенского городского суда Московской области по делу № 2-7/2020 от 03.02.2020 г. // Информационная база «СудАкт».

LAW ENFORCEMENT PROBLEMS ARISING WHEN DETERMINING THE ORDER OF COMMUNICATION OF A CHILD WITH A PARENT LIVING SEPARATELY

I.A. Maslov

Tver State University

Parents who have a common child, but living separately, often cannot independently resolve disputes arising between them. In this regard, at present, the main instrument for resolving family disputes in terms of determining the procedure for communication between a child and a parent who lives separately is the judicial process. Despite the fact that judicial practice over a long period of time has determined the general rules for resolving disputes arising from family legal relations, at present there are a significant number of still unresolved problems.

Key words: the right of the child; parent living separately; family law; the order of communication.

МАСЛОВ Игорь Алексеевич – студент 1 курса направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция, программа «Правовые основы семьи и брака».

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РАЗГЛАШЕНИЕ ТАЙНЫ УСЫНОВЛЕНИЯ (УДОЧЕРЕНИЯ)

Д.Ф. Мурадова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В настоящей статье на основании анализа действующего законодательства автором раскрываются некоторые актуальные проблемы уголовно-правовой ответственности по ст. 155 УК РФ, вносятся предложения по их устранению. Ключевые слова: тайна усыновления, сохранение тайны усыновления, уголовная ответственность за раскрытие тайны усыновления, совершенствование законодательства.

В силу особой социальной значимости сохранения тайны усыновления (удочерения), высокой степени общественной опасности нарушения тайны усыновления (удочерения) как деяния, способного нанести сильнейшую моральную травму ребенку и его усыновителям, подорвать устои семьи и привести к иным неблагоприятным последствиям [5], законодатель ввел институт уголовной ответственности за раскрытие такой тайны, установив в статье 155 Уголовного кодекса Российской Федерации [2] уголовные санкции за разглашение тайны усыновления (удочерения) вопреки воле усыновителя, совершенное лицом, обязанным хранить факт усыновления (удочерения) как служебную или профессиональную тайну, либо иным лицом из корыстных или иных низменных побуждений.

выбранной для исследования темы Актуальность обусловлена следующим. В 2012 году вступил в действие Указ Президента РФ от 01.06.2012 N 761 "О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 – 2017 годы" [4], который предусматривал переход к системе открытого усыновления с отказом от тайны усыновления. Однако на данный момент институт тайны усыновления так и не упразднен, он продолжает действовать. Единственным основанием отказа от перехода к системе открытого усыновления, на наш взгляд, является сохраняющая свою актуальность необходимость обеспечивать конфиденциальность сведений об усыновлении. В противном случае тайна усыновления действительно была бы отменена в силу того, что изжила себя. Но на практике мы имеем дело с противоположными обстоятельствами – тема тайны усыновления поактуальна, усыновителям по-прежнему важна обеспечения неразглашения сведений об усыновлении ребенка без их на то согласия.

Таким образом, государством гарантируется тайна усыновления (удочерения), при этом усыновители имеют право решить, раскрыть эту тайну ребенку или нет [9].

Статья 155 УК РФ содержит лишь один состав преступления, в ней нет классификации уголовной ответственности в зависимости от субъекта преступления. Представляется, что это упущение законодателя, так как уголовное наказание для лица, разгласившего тайну усыновления (удочерения), которую он обязан был хранить в силу своих служебных или профессиональных обязанностей, на наш взгляд, должна быть более суровой, чем для иного лица, узнавшего такого тайну случайно, в быту, например, из разговора со знакомым. В случае разглашения тайны усыновления (удочерения) должностным лицом имеет место не только нарушение семейного законодательства, устанавливающего запрет на разглашение, но и ненадлежащее исполнение таким служащим своих профессиональных обязанностей, накладывающих на него дополнительную ответственность за сохранение конфиденциальности личных данных граждан. Таким образом, разглашение тайны усыновления (удочерения) специальным субъектом имеет более высокую степень общественной опасности по сравнению с разглашением этих же сведений иным лицом.

Данная законодательная проблема неоднократно обсуждалась учеными в их научных трудах, в частности, Н.В. Летова [7], С.К. Жиляева, К.А. Раков [6], А.А. Саматова [8] высказывались о неудачной формулировке анализируемой статьи, выраженной в объединении уголовно-правовых норм об ответственности общих и специальных субъектов в рамках одного состава преступления.

Исходя из этого, мы считаем необходимым дополнить статью 155 УК РФ отдельным квалифицированным составом преступления, в котором ответственность будет предусматриваться специального субъекта. Таким образом, в части 1 статьи 155 УК РФ мы предлагаем закрепить уголовную ответственность общего субъекта, то есть любого лица, разгласившего тайну усыновления (удочерения) из корыстных или иных низменных побуждений, а в части 2 данной статьи выделить квалифицированный состав преступления, предусматривающий уголовную ответственность за разглашение тайны усыновления (удочерения) вопреки воле усыновителя, совершенное лицом, обязанным хранить усыновления (удочерения) как служебную или профессиональную тайну. Кроме того, наказание за совершение рассматриваемого преступления специальным субъектом, по нашему мнению, должно быть более жестким в силу большей общественной опасности разглашения тайны усыновления специальным субъектом.

Закрепление предложенных усовершенствований уголовного закона поможет, как нам кажется, справедливо дифференцировать ответственность за разглашение тайны усыновления (удочерения) в зависимости от степени общественной опасности преступных деяний субъектов.

В качестве второй проблемы уголовной ответственности за разглашение тайны усыновления (удочерения) можно выделить отсутствие нормативно

закрепленной возможности достигшего совершеннолетия усыновленного получить доступ к сведениям о своем усыновлении.

Семейное законодательство не предусматривает право усыновленного лица, достигшего восемнадцати лет, обратиться в уполномоченные органы записи актов гражданского состояния для получения информации о том, был ли он усыновлен, когда и кто его биологические родители.

Данная информация бывает необходима в тех случаях, когда нужно установить возможные заболевания, передающиеся от родителей детям (онкологические заболевания, генетические мутации, сахарный диабет, гемофилия и т. д.), предотвратить вступление в брак усыновленного со своими близкими родственниками. Без обращения в органы записи актов гражданского состояния для получения сведений об усыновлении получить доступ к такой информации не представляется возможным.

Семейный кодекс (ст. 139) [1], а также Федеральный закон "Об актах гражданского состояния" (ст. 47) [3] предусматривают обязательное истребование согласия усыновителей перед сообщением иным лицам каких-либо сведений об усыновлении и выдачей документов, из содержания которых видно, что усыновители не являются родителями усыновленного ребенка.

Но как поступить в ситуации, когда усыновители умерли, а усыновленному или, например, его родственникам необходимо получить сведения об усыновлении? Получение согласия от усыновителей в данной ситуации невозможно, в то время как оно является обязательным условием предоставления запрашиваемых сведений.

Выходит, что даже в том случае, когда получить согласие усыновителей не представляется объективно возможным и сведения об усыновлении жизненно необходимы для самого усыновленного, органы записи актов гражданского состояния не имеют права сообщить такую информацию, иначе им грозит уголовная ответственность за разглашение тайны усыновления (удочерения) вопреки воле усыновителя, совершенное лицом, обязанным хранить факт усыновления (удочерения) как служебную или профессиональную тайну. Такая ситуация представляется абсурдной, поскольку ничьи права и интересы в рассматриваемых обстоятельствах положения статьи 139 Семейного кодекса и статьи 47 Федерального закона "Об актах гражданского состояния" не защищают, а наоборот препятствуют получению объективно необходимой для усыновленного лица информации.

Чтобы разрешить данное противоречие, на наш взгляд, необходимо законодательно закрепить возможность усыновленного лица, достигшего совершеннолетия, обратиться в орган записи актов гражданского состояния, где было зарегистрировано его усыновление, с заявлением о предоставлении ему сведений о своем усыновлении. В том случае, если усыновленный располагает информацией о том, в каком именно органе записи актов гражданского состояния было зарегистрировано его

усыновление, он должен иметь право обратиться с соответствующим заявлением в орган записи актов гражданского состояния по месту своего жительства, а данный орган уже затем будет обязан направить поступившее заявление в тот орган записи актов гражданского состояния, которым было зарегистрировано усыновление.

Данное положение мы предлагаем закрепить в двух вариациях – в статье 139 Семейного кодекса и в статье 47 Федерального закона "Об актах гражданского состояния", причем в кодексе – в более краткой форме, а в ФЗ №143 – в более развернутой.

Статью 139 Семейного кодекса считаем целесообразным изложить в следующей редакции:

«1. Тайна усыновления ребенка охраняется законом.

Судьи, вынесшие решение об усыновлении ребенка, или должностные лица, осуществившие государственную регистрацию усыновления, а также лица, иным образом осведомленные об усыновлении, обязаны сохранять тайну усыновления ребенка.

Усыновленный, достигший совершеннолетия, вправе обратиться в орган записи актов гражданского состояния, в котором было зарегистрировано его усыновление, с заявлением о предоставлении ему сведений о его усыновлении.

2. Лица, указанные в пункте 1 настоящей статьи, разгласившие тайну усыновления ребенка с нарушением закрепленного порядка предоставления сведений об усыновлении, привлекаются к ответственности в установленном законом порядке.»

Статья 47 Федерального закона "Об актах гражданского состояния", полагем, должна иметь следующие положения:

- «1. Тайна усыновления охраняется законом.
- 2. Усыновленный, достигший совершеннолетия, вправе обратиться в актов гражданского состояния, котором зарегистрировано его усыновление, с заявлением о предоставлении ему сведений о его усыновлении. В случае если усыновленный, достигший совершеннолетия, не располагает информацией о том, каким органом записи актов гражданского состояния было зарегистрировано усыновление, он вправе подать заявление в орган записи актов гражданского состояния по месту жительства. Орган записи ПО месту жительства совершеннолетнего гражданского состояния соответствующее усыновленного направить заявление обязан исполнения в орган записи актов гражданского состояния, которым было зарегистрировано такое усыновление.

В иных случаях работники органов записи актов гражданского состояния не вправе без согласия усыновителей (усыновителя) сообщать какие-либо сведения об усыновлении и выдавать документы, из содержания

которых видно, что усыновители (усыновитель) не являются родителями (родителем) усыновленного ребенка».

Две вариации нормативных нововведений для данных законов предложены по причине того, что Семейный кодекс, на наш взгляд, должен гарантировать само право усыновленного, достигшего совершеннолетия, получить сведения о своем усыновлении, а Федеральный закон "Об актах гражданского состояния" в свою очередь будет регламентировать конкретный порядок обращения такого лица в уполномоченный орган записи актов гражданского состояния с соответствующим заявлением.

Представляется, что предложенные нами усовершенствования действующего законодательства помогут устранить существующее на данный момент ограничение права усыновленного лица на получение без согласия усыновителей достоверных сведений о своем усыновлении, в частности, о своих биологических родителях. Кроме того, будет устранена возможность в сущности необоснованного привлечения к уголовной ответственности работников органов записи актов гражданского состояния, предусмотренной статьей 155 Уголовного кодекса РФ, в случае, когда ими будут предоставлены сведения об усыновлении по заявлению самого усыновленного, достигшего возраста восемнадцати лет, в отсутствие согласия на это усыновителей, которое не представляется возможным получить ввиду их смерти, безвестного отсутствия либо иного объективно непреодолимого препятствия в получении такого разрешения.

Список литературы:

- 1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.11.1995 № 223-ФЗ (ред. От 06.02.2020 с учетом изменений, внесенных Федеральным законом от 06.02.2020 № 10-ФЗ) // СПС КонсультантПлюс.
- 2. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-Ф3 (ред. от 27.10.2020) // "Российская газета", N 113, 18.06.1996, N 114, 19.06.1996, N 115, 20.06.1996, N 118, 25.06.1996
- 3. Федеральный закон от 15.11.1997 N 143-ФЗ (ред. от 24.04.2020) "Об актах гражданского состояния"// "Собрание законодательства РФ", 24.11.1997, N 47, ст. 5340
- 4. Указ Президента РФ от 01.06.2012 N 761 "О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 2017 годы" // "Собрание законодательства РФ", 04.06.2012, N 23, ст. 2994
- 5. Тайна усыновления в Российской Федерации (М.А. Ботчаева, "Актуальные проблемы российского права", N 1, январь-март 2012 г.)
- 6. Светлана Константиновна Жиляева, Кирилл Андреевич Раков Проблема тайны усыновления в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2018. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-tayny-usynovleniya-v-rossiyskoy-federatsii

- 7. Усыновление в Российской Федерации: правовые проблемы / Летова Н.В.; Науч. конс.: Мананкова Р.П. М.: Волтерс Клувер, 2006. с. 113.
- 8. Саматова А. А. Уголовная ответственность за разглашение тайны усыновления (удочерения): проблемы теории и практики // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. №4 (20). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-za-razglashenie-tayny-usynovleniya-udochereniya-problemy-teorii-i-praktiki.
- 9. Сапронова, Ю.Ю. и Каймакова, Е.В. (2014) Право ребенка на семью и на защиту его законных интересов. Вестник ТвГУ. Серия: Право (2). С. 278-283. ISSN 1995-0144.

SOME PROBLEMS OF CRIMINAL LEGAL LIABILITY FOR THE DISCLOSURE OF THE SECRET OF ADOPTION (OF ADOPTION)

D.F. Muradova

Tver State University

In this article, based on the analysis of the current legislation, the author reveals some topical problems of criminal liability under Art. 155 of the Criminal Code of the Russian Federation, proposals are made to eliminate them.

Keywords: secret of adoption, keeping the secret of adoption, criminal liability for disclosing the secret of adoption, improvement of legislation.

МУРАДОВА Джаннет Ферезуллаевна — студентка 1 курса направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция, программа «Правовые основы семьи и брака», e-mail: dfmuradova@edu.tversu.net

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ РЕПРОДУКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ДЛЯ ОДИНОКИХ МУЖЧИН

Т.Л. Османова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В представленной статье на основании анализа действующего законодательства и судебной практики автором освещается проблема правового регулирования применения вспомогательных репродуктивных технологий в отношении одиноких мужчин.

Ключевые слова: одинокий мужчина, вспомогательные репродуктивные технологии, суррогатное материнство, конституционный принцип равенства мужчины и женщины.

Конституционный Суд в определении № 880-О от 15 мая 2012 года отметил, что в настоящее время вспомогательные репродуктивные технологии являются значимым средством обеспечения интересов семьи, материнства, отцовства, детства, как и конституционного права каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь [10].

Нельзя отрицать тот факт, что вопросы применения вспомогательных репродуктивных технологий недостаточно регулируется действующим законодательством. Ю.А. Дронова, анализирую нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы применения вспомогательных репродуктивных технологий, отмечает, что СК РФ содержит лишь нормы, регулирующие частные вопросы применения методов искусственной репродукции, а именно порядок регистрации рождения ребенка, рожденного в результате применения ВРТ, а акты Минздрава ориентированы на регламентацию РΦ медицинских аспектов. сложилась ситуация, что когда законодательство лишь фрагментарно регулирует вопросы применения ВРТ [5]. Одной из проблем выступает неопределенность круга субъектов, на применение вспомогательных репродуктивных имеющих право технологий.

В соответствии с пунктом 3 статьи 55 ФЗ №323 правом на применение вспомогательных репродуктивных технологий обладают мужчина и женщина одновременно при обоюдном, добровольном согласии на медицинское вмешательство, они могут как состоять в браке, так и не состоять, но важным условием является то, что обратиться за применением той или иной процедуры могу два лица [3]. В то же время указанной нормой в качестве такого субъекта предусмотрена «одинокая женщина», то есть женщина, которая не только не состоит в браке, но и при этом у нее отсутствует «спутник жизни». Однако одинокий мужчина в качестве лица, имеющего право на применение вспомогательных репродуктивных технологий, не указан.

За период с 2000 года по 2018 год бесплодие среди мужчин увеличилось с 22348 до 47886 человек (+2,1 раза). С 2000 по 2011 год общее число мужчин с бесплодием увеличилось с 22348 до 44256, затем до 2014 было уменьшение их числа до 36003, а затем отмечена отчетливая динамика увеличения числа зарегистрированных мужчин с бесплодием. Зафиксирована такая же динамика количества больных с первично установленным мужским бесплодием: отмечен прирост на 82%. В течение изучаемого периода количество первично выявленных больных от общего количества зарегистрированных составляло примерно 1/3 [7].

С 2021 года вступает в силу Приказ Минздрава России от 31.07.2020 N 803н "О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению", имеющих право определяет круг лиц, на применение который вспомогательных репродуктивных технологий, и по-прежнему одинокий мужчина к таковым не относится [4]. Невольно возникает вопрос: не является ли данный факт нарушением статьи 19 Конституции РФ, в соответствии с которой государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места отношения к религии, убеждений, жительства, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств [1].

На своей странице в Facebook управляющий партнер адвокатской группы «Онегин», член Комиссии по этике и праву Российской ассоциации репродукции человека Ольга Зиновьева заявила, что риски признания приказа недействительным в этой части высоки, просто нужно лицо, которое инициирует спор в отношении законности данной нормы [8].

С одной стороны, законодатель не установил прямо запрет одиноким мужчинам пользоваться данными услугами, но в тоже время определил исчерпывающий круг лиц, которые могут прибегнуть к данным услугам.

Судебная практика противоречива.

Гражданин А. обратился в орган ЗАГС для регистрации двоих детей, рожденных от суррогатной матери. При этом просил в графе "мать" поставить прочерк или указать, что неизвестна. Сотрудник ЗАГС в регистрации рождения ребенка отказал, сославшись на абзац 2 части 4 статьи 51 СК РФ, в соответствии с которым «лица, состоящие в браке между собой и давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями ребенка женщины, только согласия родившей ребенка (суррогатной матери)». При суррогатная ЭТОМ мать дала необходимое согласие [2].

Суд первой инстанции отказал истцу в удовлетворении исковых требований. Свою точку зрения суд обосновал тем, что при регистрации рождения ребенка сведения об отце вносятся на основании свидетельства о

браке родителей, по совместному заявлению отца и матери или по заявлению матери ребенка, если отцовство не установлено. Однако, законодательно не закреплен порядок государственной регистрации рождения и записи родителей ребенка, рожденного у неизвестной матери – анонимного донора клеток, выношенного и рожденного суррогатной матерью. Суд не принял во внимание представленный истцом акт из медицинского центра, подтверждающий его отцовство в отношении детей, так как данный документ вступает в противоречие с положениями, регламентирующими порядок внесения сведений о родителях ребенка в книгу записи рождения.

При этом суд апелляционной инстанции согласился с выводами нижестоящего суда и отказал в удовлетворении жалобы [11].

Гражданина Б., не состоящий в браке, обратился к услугам суррогатной матери.

Согласие суррогатной матери было получено, самостоятельных требований относительно рожденных ею в качестве суррогатной матери детей, переданных Б. она не заявляла и в дальнейшем намерений заявлять не имеет.

Суд отказал в удовлетворении заявленных требований, сославшись на то, что порядок государственной регистрации рождения ребенка, рожденного суррогатной матерью, с записью одинокого мужчины единственным родителем ребенка, законодательством не определен.

Суд обязал органы ЗАГС осуществить регистрацию рожденных детей без указания сведений о суррогатной матери и об отце [13].

На мой взгляд, такое решение суда нарушает интересы новорожденных.

Так как суд обязал орган опеки и попечительства указать фамилию, имя, отчество двух детей женского пола для записей этих сведений при государственной регистрации рождения детей отделом можно предположить, что фактически дети были переданы в органы опеки и попечительства, так как родительские права возникают на основании именно записи в акте о рождении ребенка.

Винить сотрудников ЗАГС в отказах нельзя, поскольку исходя из буквального толкования абзаца 2 части 4 статьи 51 СК РФ мы видим, что законодатель достаточно конкретно определил круг лиц, имеющих право быть записанными в качестве родителей с согласия суррогатной матери. Поэтому часто подобные вопросы могут решить исключительно суды, но, на мой взгляд, и так загруженные судьи не должны быть поставлены в ситуацию необходимости аргументации иной позиции, чем прямо указанная законодателем в нормативных правовых актах. Поскольку в РФ судебные акты не являются источником права, данные проблемы должен решать не правоприменитель, а законодатель.

Однако на сегодняшний день судебная практика изменилась, и судьи, вынося решение, встали на сторону заявителя, обосновывая решение тем,

что действующее законодательство исходит из равенства прав, в том числе и для мужчин.

Гражданин В. обратился в орган ЗАГС с заявлением о государственной регистрации рождения ребенка.

Ввиду отсутствия у него спутницы жизни, ему пришлось воспользоваться услугами суррогатных матерей и донора ооцитов. В. утверждает, что именно суррогатное материнство оказалось для него единственным шансом иметь собственных, генетически родных ему детей.

Обратившись в отдел ЗАГС для государственной регистрации рождения ребенка В. Получил официальное извещение об отказе в государственной регистрации рождения ребенка. Там же ему пояснили, что органы ЗАГС не обладают в данном случае необходимыми полномочиями для регистрации детей, поскольку в ФЗ «Об актах гражданского состояния» детально не прописана процедура регистрации ребенка, рожденного суррогатной матерью, если данная программа проведена для мужчины, не состоящего в зарегистрированном браке. В данном случае, по мнению ЗАГС, основанием для регистрации может служить только решение суда.

В. является генетическим отцом родившегося ребенка. Это обстоятельство подтверждено представленными документами из клиники репродукции и согласием суррогатной матери.

Суррогатная мать подписала согласие на регистрацию заявителя в качестве отца ребенка, биологическим отцом которого он является.

В данном случае суд также удовлетворил заявленное требования, указав, что действующее законодательство исходит из равенства прав женщин и мужчин. Не исключением является, по мнению суда, и право одиноких мужчин на рождение детей, создание семьи, в которую будут входить только ребенок и его отец [12].

Завадская В статье «Гендерная экспертиза российского законодательства» отмечает, что статья 35 Основ законодательства РФ об предусматривающая каждой охране здоровья граждан, право совершеннолетней женщины детородного возраста на искусственное оплодотворение и имплантацию эмбриона является дискриминационной [6].

Не могу не согласиться с данной позицией. Закрепление права на доступ к применению ВРТ только за женщинами нарушает репродуктивное право мужчины — право на доступ к безопасным и эффективным методам планирования семьи, включая право доступа к соответствующим услугам в области охраны здоровья, а также противоречит Конституции РФ, нарушая право каждого на медицинскую помощь и нарушая статью 19, согласно которой мужчина и женщина имеют равные права и равные возможности для их реализации, а также статью 55 о недопустимости принятия законов, отменяющих или умаляющих права и свободы гражданина.

Таким образом, право женщины на применение вспомогательных репродуктивных технологий, стать родителем, несмотря на медицинские противопоказания, четко регламентировано законодательством, а о праве мужчин на искусственное оплодотворение упоминания в законодательстве нет. В связи с этим, необходимо внести соответствующие изменения в действующее законодательство. Кроме этого, необходима правовая регламентация порядка осуществления мужчиной своих прав на применение методов вспомогательных репродуктивных технологий как самостоятельно, так и совместно с супругой.

Председатель правления фонда «Право ребенка» Борис Альтшулер справедливо отметил, что на сегодняшний день мужчина в плане семейного ухода поравнялся с женщиной. Очень много историй, когда жена работает, а муж сидит с младенцем, кормит его. Однако этот запрет — очевидная дискриминация. Пусть его авторы почитают Конституцию $P\Phi$ — там не написано, что женщины главнее мужчин. Почему надо вводить откровенно дискриминационные приказы?» [9].

Несмотря на сложившееся в обществе мнение о том, что женщины чаще желают завести и воспитывать ребёнка, мужчинам и женщинам должны быть предоставлены одинаковые права и свободы, независимо от того воспользуется ли лицо данным правом.

Таким образом, полагаю, незакрепление права одинокого мужчины на доступ к применению вспомогательных репродуктивных технологий является нарушением репродуктивных прав мужчин, противоречит конституционному принципу равенства мужчины и женщины, следовательно необходимо законодательно закрепить в качестве субъекта, имеющего право на применение вспомогательных репродуктивных технологий, «одинокого мужчину», а именно предусмотреть это в пункте 3 статьи 55 ФЗ № 323.

Список литературы

- 1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс.
- 2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.11.1995 № 223-ФЗ (ред. От 06.02.2020 с учетом изменений, внесенных Федеральным законом от 06.02.2020 № 10-ФЗ) // СПС КонсультантПлюс.
- 3. Федеральный закон "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" от 21.11.2011 N 323-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
- 4. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 31 июля 2020 г. N 803н "О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению" // СПС КонсультантПлюс.

- 5. Дронова Ю.А. «Проблемы правового регулирования применения вспомогательных репродуктивных технологий». Вестник ТвГУ. Серия «Право»: 2015 № 2, с. 215-222. // URL: [Электронныйресурс] http://eprints.tversu.ru/4942/1/Becthuk_TвГУ. Серия Право. 2015. 2. С. 215-222. // (дата обращения 23.01.2021)
- 6. Заводская Л.Н. «Гендерная экспертиза российского законодательства. М:БЕК, 2001, С. 130 // URL: [Электронный ресурс] http://www.owl.ru/win/books/zavadskaya/ (дата обращения 23.01.2021).
- 7. Лебедев Г.С., Голубев Н.А., Шадеркин И.А., Шадеркина В.А., Аполихин О.И., СивковА.В., Комарова В.А. Мужское бесплодие в Российской Федерации: статистические данные за 2000-2018 годы. Экспериментальная и клиническая урология 2019;(4):4-12 URL: https://ecuro.ru/article/muzhskoe-besplodie-v-rossiiskoi-federatsii-statisticheskie-dannye-za-2000-2018-gody // [Электронный ресурс] (дата обращения 20.01.2021).
- 8. Статья «Минздрав ограничил ВРТ-технологии с использованием только донорского материала» от 26.10.2020 URL: https://medvestnik.ru/content/news/Minzdrav-ogranichil-VRT-tehnologii-s-ispolzovaniem-tolko-donorskogo-materiala.html // [Электронный ресурс] (дата обращения 20.01.2021).
- 9. Статья «Дело в клетке: суррогатному материнству прописали новые правила» от 21.10.2020 // URL: https://www.gazeta.ru/social/2020/10/20/13326049.shtml [Электронный ресурс] (дата обращения 20.01.2021).
- 10. Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 N 2318-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан С.Д. и С.Т. на нарушение их конституционных прав пунктом 4 статьи 51, пунктом 3 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пунктом 5 статьи 16 Федерального закона "Об актах гражданского состояния", частью 9 статьи 55 Федерального закона "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации".
- 11. Апелляционное определение Московского городского суда от 22 июля 2014 г. по делу № 33-29316/2014 $\underline{4}$ URL: https://mosgorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/b9c61f32-d674-4b0a-b2dc-b019babe95ad?participants=%F2%E8%ED%EA%EE%E2) // [Электронный ресурс] (дата обращения 22.01.2021).
- 12. Решение от 8 апреля 2020 г. по делу № 2-980/2020 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/8LeGc3YT3IZV/ (дата обращения 20.01.2021)
- 13. Решение от 19 марта 2014 г. по делу № 2-1472/2014 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/YYYn641AVGUP/ (дата обращения 25.10.2020)

ASSISTED REPRODUCTIVE TECHNOLOGIES FOR SINGLE MEN

T.L. Osmanova

Tver State University

In the present article, based on the analysis of the current legislation and judicial practice, the author highlights the problem of legal regulation of the use of assisted reproductive technologies in relation to single men.

Keywords: single man, assisted reproductive technologies, surrogacy, constitutional principle of equality of men and women.

ОСМАНОВА Туркан Латибовна — студентка 1 курса направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция, программа «Правовые основы семьи и брака», e-mail: osmanova.turkan001@mail.ru.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ РФ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

А.И. Павлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируются проблемные аспекты реализации концепции гендерного равенства в семейном праве $P\Phi$. В ходе изучения и анализа теоретических и правовых аспектов была установлена актуальность проблемы реализации гендерного равенства в семейном законодательстве и правоприменительной практике, так как в настоящее время мужчинам (отцам) трудно осуществлять свои конституционные права, в этом случае дискриминация по признаку пола допускается на законодательном уровне.

Ключевые слова: гендерное равенство, равноправие, равенство мужчин и женщин, гендерная дискриминация.

Сегодня одной из основополагающих ценностей является подлинное равенство между мужчинами и женщинами. Гендерное равенство является предпосылкой базовой социальной справедливости только необходимым компонентом демократии, но и возможностью приблизиться к цели устойчивого развития человеческого потенциала и организовать социальные отношения на основе принципов справедливости, честности и требует терпимости. Гендерное равенство принципиально мышления, в котором развитие рассматривается как процесс расширения свободы выбора для представителей обоих полов. Гендерное равенство как является решающим шагом ценность права на ПУТИ демократического и основанного на гендерном равенстве общества.

Основные принципы гендерного равенства отражены в Конституции Российской Федерации [4], положения которой свидетельствуют о том, что государство гарантирует гражданам отсутствие любой дискриминации, в том числе и по признаку пола. Равенство прав мужчин и женщин в семейных отношениях является одним из главенствующих принципов российского семейного права. Это является частным проявлением общего принципа гендерного равенства, закрепленного в статье 19 Конституции Российской Федерации. Принцип равноправия и свобод мужчин и женщин отражает конкретные гендерные отношения, являющиеся определяющим фактором в развитии государства. Следует отметить, что это особенно верно, если речь идет о деятельности российских государственных органов в области политики в сфере семейных отношений, в принимаются решения и законы, которые обычно не учитывают права и интересы родителей. Развитие демографической и семейной политики часто не учитывает проблемы отцов. В результате, мужчинам (отцам) трудно осуществлять свои конституционные права, в этом случае дискриминация по признаку пола допускается на законодательном уровне. К сожалению,

пока нельзя сказать, что современное отечественное законодательство и правоприменительная практика не имеют дискриминации по признаку пола.

Часть 2 статьи 7 Конституции РФ устанавливает: «В Российской Федерации обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства». Вопросы отцовства наравне с вопросами материнства и детства отнесены к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов (п. «ж» ст. 72). Однако в современных конституционных нормах присутствует как гендерная симметрия (ст. 7), так и гендерная асимметрия (ст. 38). В ч. 1 ст. 38 Конституции РФ указывается, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Наличие специальной статьи, устанавливающей гарантии государственной защиты материнства, детства, семьи, подтверждает господствующую государственную политику материнства и детства, дискриминирующую мужчин в семейных отношениях.

Забота о детях и их воспитание являются равным правом и обязанностью родителей, что предусмотрено в ст. 38 Конституции Российской Федерации. Единство прав и обязанностей каждого из родителей установлено в ст. 61 Семейного кодекса Российской Федерации [7] (далее – СК РФ), что свидетельствует о неразрывной взаимосвязи должного и возможного в поведении родителей [1], т. е. не имеют преимущества друг перед другом независимо от возраста, пола, религиозной принадлежности, места жительства и т. д. В то же время ст. 89 и 90 СК РФ устанавливается обязанность мужа (бывшего мужа) предоставлять жене (бывшей жене) алименты в течение трех лет со дня рождения их общего ребенка. Однако, муж (бывший муж), воспитывающий ребенка, не достигшего возраста трех лет и не относящегося к категории «ребенок-инвалид», подобной гарантией необоснованно не наделен. Получается, что законодатель нарушает права родителя - отца, а точнее его право воспитывать своих детей, и противоречит принципу равенства. В этом случае трудоспособный муж (бывший муж) должен иметь право на выплаты алиментов в отношении ребенка, не являющегося инвалидом, от жены (бывшей жены).

Частью 3 ст. 1 СК РФ закрепляется принцип равенства прав супругов в семье. Следовательно, мужчины и женщины имеют одинаковые права, возможности, несут равные обязанности при реализации своих прав в сфере семейных отношений. Согласно ч. 2 ст. 38 Конституции РФ забота о детях, их воспитание и содержание — равное право и обязанность родителей. Анализ семейного законодательства и судебная практика показывает, что не всегда применяется принцип равенства мужчин и женщин в семейных отношениях, что приводит к гендерной дискриминации у мужчин. С точки зрения равенства прав мужчины и женщины интересны положения главы 14 СК РФ, которая посвящена алиментным обязательствам супругов и бывших супругов. Супруги должны поддерживать друг друга финансово, по общему правилу, но если в такой поддержке отказано или нет соглашения между

супругами об уплате алиментов, то не все супруги имеют право требовать выплаты алиментов, а только три категории:

- 1. нетрудоспособный нуждающийся супруг (это может быть как муж, так и жена);
- 2. жена в период беременности и в течение трех лет со дня рождения общего ребенка;
- 3. нуждающийся супруг, осуществляющий уход за общим ребенком-инвалидом (это может быть как муж, так и жена).

Законодатель уделяет особое внимание на право жены (бывшей жены) на выплату алиментов от мужа (бывшего мужа). Учитывается состояние во время беременности, а также факт воспитания ребенка до достижения возраста трех лет. Ребенок может быть воспитан отцом, если мать лишена родительских прав, или ограничена, или по другим причинам не проживает с ребенком, не участвует в его воспитании. При данных обстоятельствах отец ребенка ограничен в возможности зарабатывать, обеспечения себя и ребенка. Следовательно, мужчина в таком случае может обратиться к женщине с требованием выплаты алиментов на свое содержание [2].

В настоящее время встречается практика, где суд по ряду дел определяет постоянное проживание несовершеннолетних по месту жительства отца. законодательству, семейному разрешение спора Согласно основываться на равных правах и обязанностях обоих родителей и отдавать предпочтение одному из них, что может создать наиболее благоприятные условия для воспитания ребенка и защитить интересы ребенка. В связи с наблюдается положительная тенденция определения жительства несовершеннолетних по месту жительства отца. Например, в Решении № 2-547/2019 $2-547/2019 \sim M-478/2019$ М-478/2019 от 25 июля 2019г. по делу № 2-547/2019 [6] Шамота А.Ю. обратился в суд с иском к Шамота Т.Ю. об определении для несовершеннолетней Ш.И.А., ДД.ММ.ГГГГ года постоянного места жительства с отцом Шамота освобождении от уплаты алиментов в пользу Шамота Т.Ю. на содержание несовершеннолетней дочери. В обосновании своих требований указал, что совместная жизнь не сложилась, брак был расторгнут, несовершеннолетняя дочь осталась проживать с матерью. Однако, с определенной даты дочь проживает совместно с отцом, местоположение матери неизвестно. Несовершеннолетняя пояснила, что постоянного проживает с отцом Шамота А.Ю., хотела бы остаться проживать с ним, с папой хорошо, между ними сложились близкие и теплые отношения, они никогда не ругаются. С мамой общается по телефону. Оценив представленные доказательства в их совокупности в соответствии с требованиями ст. 67 ГПК РФ, учитывая возраст ребенка, то обстоятельство, что по месту жительства Шамота А.Ю. созданы все условия для нормального проживания и гармоничного воспитания несовершеннолетней, исходя из интересов ребёнка, учитывая привязанность ребенка к отцу, их совместное проживание, а также мнение несовершеннолетней Ш.И.А., заключения органов опеки и попечительства, суд приходит к выводу об определении места жительства несовершеннолетней Ш.И.А. с отцом.

Принцип равенства, согласно которому все члены общества должны жить в одинаковых условиях, всегда был и остается одним из важнейших общественных идеалов. Мужчинам (отцам) трудно осуществлять свои конституционные права, в этом случае дискриминация по признаку пола допускается на законодательном уровне, а на практике имеются проблемы в реализации права отцовства. В настоящее время закон не в полной мере предусматривает условия воспитания ребенка отцом, аналогичные тем, которые установлены для матери ребенка, что приводит к гендерной асимметрии статуса матери и отца в обществе. Важно отметить, что дискриминация по признаку пола родителей при осуществлении ими своих родительских прав непосредственно затрагивает права и интересы детей и родителей. Поэтому в комплексе мер демографической и семейной политики необходимо учитывать интересы обоих полов, с тем чтобы обеспечить соблюдение положений статьи 3 статьи 19 Конституции Российской Федерации, гарантирующей равенство прав и свобод мужчин и женщин в различных сферах жизни общества.

Согласно ч. 3 ст. 19 Конституции РФ: «Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации», получается, что гендерное равенство является одинаковыми основаниями наступления правовой ответственности. В статье 4 Уголовного Кодекса Российской Федерации [8] указано, что «лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола». Принцип справедливости, которому следует положение статьи 6 настоящего Кодекса, означает необходимость справедливого наказания для преступника, которое должно отвечать «характеру и степени общественной опасности» его действия, должны быть учтены обстоятельства, при которых совершено было такое деяние, а также личные качества преступника. Нормы части 4 статьи 49 и части 5 статьи 50 УК РФ устанавливают, что женщины в состоянии беременности либо при наличии детей до 3-х лет не могут получить, в качестве наказания, обязательные и исправительные работы. Благодаря данному положению обеспечивается защита прав и интересов ребенка, обозначенных в ст. ст. 54-60 СК РФ и Конвенции о правах ребенка [3].

В российском обществе укоренился стереотипом, что ребенок эмоционально больше связан со матерью, чем с отцом. Подтверждением данного утверждения являются результаты социологического исследования, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), целью которого было определить позицию россиян относительно оставления ребенка с одним из родителей, в случае расторжения брака [5]. В опросе приняло участие 1600 человек.

Большинство опрошенных — 38% отметили преимущество проживания ребенка с матерью, а ответы всего 2% респондентов говорят о передаче ребенка отцу. Преимущественная часть участников, а именно 43%, отказалась от привязки к полу и отметила зависимость выбора от черт характера индивидуума. О невозможности обеспечения нормального воспитания и развития ребенка матерью — одиночкой или отцом — одиночкой заявило 14% опрошенных, а 3% опрошенных лиц имели затруднения с ответом на рассматриваемый вопрос.

Таким образом, истинное равенство между мужчинами и женщинами сегодня является фундаментальной ценностью. Достижение гендерного равенства является не только предпосылкой для основной социальной справедливости и необходимой составляющей демократии, но и возможностью приблизиться к цели устойчивого человеческого развития и организовать общественные отношения, основанные на принципах справедливости, целостности и терпимости. Гендерное равенство требует радикально нового мышления в развитии, как процесса расширения свободы выбора для обоих полов. Гендерное равенство как ценность права является решающим шагом вперед в развитии демократического, гендерноориентированного общества.

Список использованных источников и литературы

- 1. Замрий О. Н. Дополнительные расходы на детей в контексте равенства прав и обязанностей родителей: новые возможности для злоупотребления интересом // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. №2 (62). С. 24-29
- 2. Ильина О.Ю. К вопросу о равенстве прав мужчины и женщины в семейных правоотношениях //Современное право. 2007. №8 (0,4 п. л.)
- 3. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ // [Электронный ресурс] (дата обращения: 21.01.2021).
- 4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, N 31, ст. 4398.
- 5. Официальный сайт ВЦИОМ: Отношение к бракам и разводам: мониторинг. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otnoshene-k-brakam-i-razvodam-monitoring // [Электронный ресурс] (дата обращения: 21.01.2021).
- 6. Решение № 2-547/2019 2-547/2019~М-478/2019 М-478/2019 от 25 июля 2019 г. по делу № 2-547/2019. URL: https://sudact.ru // [Электронный ресурс] (дата обращения: 21.01.2021).

- 7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-Ф3 (ред. от 06.02.2020) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 16.
- 8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-Ф3 (ред. от 28.04.2015 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT OF GENDER EQUALITY IN THE FAMILY LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION AND WAYS TO SOLVE THEM

A.I. Pavlova

Tver State University

The article analyzes the problematic aspects of the implementation of the concept of gender equality in the family law of the Russian Federation. During the study and analysis of theoretical and legal aspects, the relevance of the problem of implementing gender equality in family legislation and law enforcement practice was established, since at present it is difficult for men (fathers) to exercise their constitutional rights, in this case, discrimination on the basis of gender is allowed at the legislative level.

Keywords: gender equality, equality of men and women, gender discrimination.

ПАВЛОВА Анна Ильинична — студентка 1 курса направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция, программа «Правовые основы семьи и брака», е-mail: annapavlova01@bk.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СДЕЛОК, СОВЕРШАЕМЫХ МЕЖДУ СУПРУГАМИ

А.М. Самсонова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена анализу вопросов, связанных со сделками, совершаемыми между супругами. Целью данной работы является выявление актуальных проблем, возникающих при совершении сделок между супругами гражданско-правового характера. В качестве выводов автор формулирует проблемы законодательного и правоприменительного характера по вопросу сделок, совершаемых между супругами, а также предлагает пути их решения. Сформулированные выводы и предложения автором могут быть использованы как для проведения более глубоких исследований по данной теме, так и могут быть положены в основу внесения изменений в действующее законодательство.

Ключевые слова: сделка, супруги, договор купли-продажи, договор дарения, имущество.

С развитием общественных отношений актуализируется вопрос о заключении различного рода сделок между субъектами гражданского права. Особый интерес вызывают случаи, когда субъектами сделок выступают супруги. Так, толкование норм Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ [9]) свидетельствует о том, что законодатель предоставляет достаточно широкие полномочия супругам по заключению ими различных сделок. Вместе с тем семейное законодательство не содержит нормы о праве супругов заключать сделки, которые имеют обязательственную природу, между собой.

Особое внимание следует уделить именно совершению гражданскоправовых сделок супругов между собой. Научный интерес данного вопроса вызван тем, что сделки, совершаемые супругами, имеют ряд особенностей, которые необходимо учитывать при их заключении. Вместе с тем такие особенности прямо не закреплены в действующем законодательстве, а могут быть выявлены только посредством толкования отдельных положений гражданского и семейного законодательства, которые не сосредоточены в какой-либо одной норме. Данные обстоятельства и обуславливают актуальность избранной темы.

При исследовании научной литературы можно встретить утверждения ученых о том, что супруги могут являться такими же полноправными субъектами гражданского права, как и остальные, поэтому имеют права заключать различные гражданско-правовые сделки не только с третьими лицами, но и между собой [4, с. 37]. На самом деле, вопрос, связанный с возможностью заключения сделок супругами между собой, является достаточно дискуссионным, поскольку в действующем законодательстве мы не находим как прямого указания на дозволенность этого, но, вместе с тем, нет и прямого запрета.

Обращаясь к нормам семейного законодательства, мы не увидим нормы, которая бы прямо регламентировала право супругов заключать между собой сделки гражданско-правового характера. Однако представляется, что анализ ст. 17, 18, 21 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ [2]) позволяет сделать вывод о том, что законодатель предоставляет право супругам на заключение сделок между собой, поскольку они являются субъектами, наделенными гражданской правоспособностью и дееспособностью. Они могут совершать друг с другом любые сделки по поводу общего имущества, не противоречащие закону (как правило, это безвозмездные сделки (договор дарения, договор поручения), что объясняется спецификой семейных отношений).

Если обратиться к Кодексу законов РСФСР о браке, семье и опеке 1926 г. [5], то можно заметить, что законодатель того времени устанавливал специальное правило, которое позволяло супругам вступать между собой во все дозволенным законом имущественно-договорные отношения. Вместе с тем существовали и ограничения, которые были связаны со случаями заключения сделок, направленных к умалению имущественных прав одного из супругов. Такие сделки признавались недействительными и необязательными как для третьих лиц, так и для супругов, которым предоставлялось право на отказ от исполнения такого договора.

Вместе с тем, стоит заметить, что дореволюционное законодательство устанавливало полную раздельность имущества между супругами. Соответственно, поэтому супруги могли заключать любые гражданскоправовые сделки. Так, Γ .Ф. Шершеневич по этому вопросу указывал, что супруги могли заключать возмездные и безвозмездные сделки, поскольку это непосредственно было связано с действием принципа раздельности имущества таких супругов [10, с. 268].

Как уже было отмечено ранее, в настоящее время вопрос о возможности заключения гражданско-правовых сделок между супругами, при этом, как возмездных, так и безвозмездных, является спорным.

Некоторые авторы указывают, что супруги имеют право заключать сделки между собой, но только по поводу раздельного имущества или же по поводу имущества, ставшего после прекращения совместной собственности объектом долевой или индивидуальной собственности [3, с. 59]. Другие ученые указывают, что супруги не могут заключать сделки между друг другом. Еще одна позиция, которая заслуживает внимания, связана с тем, что супругам предоставлено право заключать между собой любые гражданскоправовые сделки, не противоречащие законодательству [3, с. 59].

На наш взгляд, следует согласиться с мнением авторов, которые считают, что супруги, будучи наделенными правоспособностью и дееспособностью, а также в силу принципа свободы договора, который установлен в ст. 421 ГК РФ, имеют право заключать между собой гражданско-правовые сделки [1, с. 297]. Однако сразу стоит оговориться,

что анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод о том, что сделки, которые связаны, например, с отчуждением какого-либо имущества от одного из супругов третьему лицу, имеет свои особенности. Представляется, что по логике законодателя такие особенности должны учитываться и при совершении сделок между супругами, раз иное не установлено в самом законодательстве.

Если обратиться к вопросу, связанному с возможностью заключения супругами между собой возмездных сделок, то можно заметить, что законодатель не устанавливает запрета на совершение сделок возмездного супругами. Вместе тем, характера между урегулированности данного вопроса становится не единообразный подход судов при разрешении споров по аналогичным ситуациям. Так, одни суды считают, что действующее законодательство не содержит запрета на совершение сделок между супругами как в отношении имущества, являющегося их общей совместной собственностью, так и в отношении того имущества, которое является личной собственностью одного из них [6]. Безусловно, что с такой позицией можно согласиться, поскольку прямых указаний в законе на это действительно не содержится. Однако согласно другой позиции судов, договор купли-продажи, заключенный между супругами, по которому и предметом, и встречным предоставлением является общее имущество супругов, недействителен (ничтожен), т.к. не влечет правовых последствий [7]. Данный вывод также заслуживает внимания, поскольку, на наш взгляд, заключение возмездной сделки в отношении общего имущества супругов противоречит правовой природе таких договоров.

Говоря о заключении между супругами безвозмездных сделок следует отметить, что в основном это договоры дарения. Однако стоит учитывать, что такие договоры также могут заключаться только по поводу имущества, являющегося собственностью каждого из них, раздельного имущества.

Стоит акцентировать внимание, что нередко на практике супруги могут заключать безвозмездные сделки, которые по факту являются мнимыми. Обратимся к материалам правоприменительной практики.

Так, истец обратился в суд с иском, сославшись на то, что в Советском районном суде рассматривалось гражданское дело по иску ФИО7 к ФИО3 о взыскании долга по договору займа и процентов за пользование чужими денежными средствами. В качестве обеспечения исковых требований наложен арест на имущество, принадлежащее ФИО3, а именно квартиру. В ходе исполнения судебного решения выяснилось, что собственником данной квартиры уже является супруга должника ФИО1, которая передана ей в собственность по договору дарения в момент рассмотрения указанного гражданского дела. Таким образом, должник, зная, что должен крупную сумму по договору займа, а также располагая информацией о рассмотрении гражданского дела в отношении взыскания долга по указанному договору

займа, злоупотребил своим правом и произвел отчуждение имущества в пользу жены, чтобы уберечь его от взыскания. Вместе с этим ФИОЗ продолжает пользоваться данной квартирой, проживает и зарегистрирован в ней.

требования Удовлетворяя исковые суд указал, ЧТО анализ хронологической последовательности действий ФИОЗ очевидно указывает на злоупотреблением им своим правом собственности в отношении спорной квартиры направленность его действий ПО заключению спорного договора на лишь формальное выведение квартиры из своей собственности (документально) в целях избежания обращения на него взыскания. При таких обстоятельствах суд пришел к выводу о том, что договор дарения был заключен формально, без намерения произвести реальную передачу имущества [8].

Таким образом, судебная практика показала наличие мнимых договоров дарения между супругами, которые совершаются ими для злоупотребления своими правами, а также с целью избежать материальных взысканий по исполнительным производствам. В связи с этим, правоприменителям необходимо учитывать сроки заключения таких договоров и обстоятельства, при которых они были заключены, поскольку если в отношении одного из супругов возбуждено исполнительное производство, а он после этого передал по договору дарения все свое имущество другому супругу, то вероятнее всего имеет место заключение мнимой сделки.

В качестве заключения представляется необходимым отметить следующее. В настоящее время ни СК РФ, ни ГК РФ не закрепляют прямого правила, которое бы предоставляло или не предоставляло право супругам заключать гражданско-правовые сделки между собой. Однако, на наш взгляд, супруги имеют право вступать между собой в гражданско-правовые сделки, поскольку каждый из них является самостоятельным субъектом гражданского права, обладает правоспособностью и дееспособностью. Вместе с тем такие сделки могут заключаться только по поводу раздельного имущества супругов, а также такие договоры не должны противоречить нормам ни гражданского, ни семейного законодательства. В связи с этим, на наш взгляд, было бы целесообразным дополнить СК РФ нормой следующего содержания:

- «1. Супруги имеют право заключать любые сделки, но только в отношении имущества, являющегося собственностью каждого из них, а также не противоречащие законодательству.
- 2. Если заключенная сделка умаляет права одного из супругов, то она может быть признана недействительной по требованию такого супруга или его законного представителя, или по требованию иного лица, если данная сделка нарушает его законные права и интересы».

Список литературы

- 1. Болясникова Л.А. Правовые аспекты заключения сделок между супругами // Молодой ученый. 2016. № 30 (134). С. 295 298.
- 2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
- 3. Левушкин А.Н. Правовое регулирование сделок супругов в свете совершенствования гражданского законодательства российской федерации // Вопросы российской юстиции. 2015. № 2 (2). С. 58 61.
- 4. Молчанов А.А., Костюченко Е.Ю. Совершение сделок супругами теория и практика // Закон и право. 2016. № 11. С. 37 39.
- 5. Постановление ВЦИК от 19.11.1926 (ред. от 12.02.1968) «О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке» (вместе с Кодексом) (утратил силу) // СУ РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.
- 6. Решение Железнодорожного городского суда от 23.10.2018 по делу № 2-2191/2018 [Электронный ресурс] // URL: http://sudact.ru/regular/doc/2okAx4qiPeHn/ (дата обращения: 22.01.2021).
- 7. Решение Промышленного районного суда г. Ставрополя от 04.09.2015 по делу № 2-6092/2015 [Электронный ресурс] // URL: http://sudact.ru/regular/doc/S6HWhNRF3EU8/ (дата обращения: 22.01.2021).
- 8. Решение Советского районного суда г. Ростова-на-Дону от 08.12.2016 по делу № 2-4399/2016 [Электронный ресурс] // URL: http://sudact.ru/regular/doc/YEkpG47tCTdW/ (дата обращения: 22.01.2021).
- 9. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // Российская газета. № 17. 1996.
- 10. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права в 2 т. Том 2. Особенная часть / Г. Ф. Шершеневич. Москва : Издательство Юрайт, 2019. 450 с.

SOME PROBLEMS OF TRANSACTIONS MADE BETWEEN SPOUSES

A.M. Samsonova

Tver state University

The article is devoted to the analysis of issues related to transactions made between spouses. The purpose of this work is to identify the actual problems that arise when making transactions between spouses of a civil nature. As conclusions, the author formulates problems of a legislative and law enforcement nature on the issue of transactions made between spouses, and also suggests ways to solve them. The author's conclusions and suggestions can be used both for conducting more in-depth research on this topic, and can be used as a basis for making changes to the current legislation.

Keywords: transaction, spouses, purchase and sale agreement, gift agreement, property.

САМСОНОВА Анна Михайловна — студентка 1 курса направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция, программа «Правовые основы семьи и брака», e-mail: samsonowa-anya@rambler.ru, т. 8-900-119-52-99.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ПРАВА ОБЩЕЙ СОВМЕСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ СУПРУГОВ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО

А.А. Селезнев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В настоящей статье рассматриваются проблемы государственной регистрации права на общее недвижимое имущество супругов в контексте внесения сведений о единый государственный реестр Существующий порядок государственной регистрации права собственности позволяет осуществлять регистрацию права на общее недвижимое имущество только за одним из супругов. Поскольку законодательно отсутствует прямая обязанность регистрации обоих супругов как правообладателей общего недвижимого имущества возникают риски в реализации супругами права собственности, определенного семейным законодательством Российской Федерации.

Ключевые слова: общая собственность супругов, режим совместной собственности, недвижимое имущество, единый государственный реестр недвижимости, государственная регистрация права собственности.

Пунктом 1 статьи 34 Семейного кодекса Российской Федерации [2] (далее – СК РФ) установлено, что имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью. Данное положение также закреплено пунктом 1 статьи 256 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ).

К совместной собственности супругов относится, в том числе, и приобретаемое в период брака недвижимое имущество.

Наличие в совместной собственности супругов недвижимого имущества является достаточно распространенным обстоятельством — длительное время в Российской Федерации существует эффективные меры кредитования и государственной поддержки, направленные на улучшение жилищный условий.

Таким образом наличие в собственности супругов квартир и жилых домов явление достаточно массовое.

Из данного "массового явления" возникают определенные "массовые" особенности связанные с оформлением прав собственности супругов на приобретаемое или уже приобретенное имущество.

Право собственности на недвижимое имущество может находится в общей собственности двух или нескольких лиц (п. 1 ст. 244 ГК РФ).

При этом право собственности на недвижимое имущество нескольких лиц может быть определено как долевая собственность — с определением долей в имуществе каждого собственника, или совместная — без определения долей в имуществе (п. 2 ст. 244 ГК РФ).

Положение пункта 3 статьи 244 ГК РФ определяет, что общая собственность на имущество является долевой, за исключением случаев, когда законом предусмотрено образование совместной собственности на это имущество.

Пунктом 1 статьи 33 Семейного кодекса Российской Федерации определено, что законным режимом имущества супругов является режим их совместной собственности. Режим совместной собственности на имущество применяется в случае если брачным договором между супругами не предусмотрено иное.

Кроме того, пунктом 1 статьи 34 СК РФ установлено, что имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства.

При этом институт брачного договора, определяющий имущественные права и обязанности супругов (ст. 40 СК РФ), в настоящее время является недостаточно распространенным явлением в семейных правоотношениях.

Так в соответствии с данными Федеральной нотариальной палаты, в среднем за год в Российской Федерации заключается порядка 100 тысяч брачных договоров, так за период 9 месяцев 2019 года было заключено и удостоверено 92 900 брачных договоров [6].

При этом согласно данным Федеральной службы государственной статистики [10] за 2019 год заключено 950 167 браков.

Таким образом, законный режим имущества супругов является преобладающим для определения имущественных правоотношений между супругами.

По моему мнению, законодательно определенный режим совместной собственности супругов на приобретаемое в период брака имущество (не ограничиваясь правами на недвижимое имущество) является несомненным механизмом защиты имущественных прав каждого из супругов.

Кроме того, условие о совместной собственности имущества создает в некотором смысле фундамент или базис, призванные формировать имущественные правоотношения между супругами на принципах добросовестности и взаимоуважения, как лиц находящихся в равном имущественном положении и наделенных общим стимулом развития семейного благополучия.

Следует отметить, что при приобретении квартир и жилых домов супругами не всегда в договоре об их приобретении указывается режим совместной собственности.

Так, супругами исходя из определенных убеждений, может быть указан только один приобретатель (один из супругов), а также могут быть указаны и два приобретателя (оба супруга) с определением неравных долей в праве собственности на недвижимое имущество.

Данное обстоятельство объясняется как стремлением получения имущественного налогового вычета одним из супругов (например, когда супруга находится в отпуске по уходу за ребенком или не имеет дохода), так и стремлением одного из супругов показать полное доверие к другому супругу.

Следует отметить, что положения ГК РФ и СК РФ не устанавливают необходимость обязательного определения в договорах о приобретении недвижимого имущества обоих супругов как приобретателей, а также определение в договоре режима совместной собственности супругов на имущество.

При этом указание в договоре одного приобретателя или обоих супругов с определением долей в собственности на квартиру или жилой дом не отменяет законного режима имущества супругов — режима совместной собственности супругов, установленного положениями ГК РФ и СК РФ [9, с. 81].В соответствии с пунктом 2 статьи 218 ГК РФ основанием приобретения права собственности является сделка об отчуждении имущества.

В свою очередь пунктом 1 статьи 131 ГК РФ определено, что право собственности на недвижимое имущество подлежит государственной регистрации в едином реестре органами, осуществляющими государственную регистрацию прав на недвижимость и сделок с ней.

Положениями пункта 2 статьи 223 ГК РФ установлено, что право собственности у приобретателя недвижимого имущества возникает с момента государственной регистрации.

Особенности государственной регистрации прав на недвижимое имущество определяются положениями Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ "О государственной регистрации недвижимости" (далее — Закон № 218-ФЗ) [3].

Так в соответствии с пунктом 2 части 2 статьи 14 Закона № 218-ФЗ основанием для осуществления государственной регистрации прав на недвижимое имущество, в том числе, являются договоры и другие сделки в отношении недвижимого имущества.

При этом пунктом 1 части 3 статьи 15 Закона № 218-ФЗ определено, что государственная регистрация прав на объект недвижимости осуществляется на основании заявления лица, право которого на объект недвижимости возникает или прекращается.

Несомненно, законодатель предусматривает механизм регистрации и долевой собственности и общей совместной собственности на недвижимое имущество.

Положения пункта 2 и 3 статьи 42 и Закона № 218-ФЗ также определяют заявительный характер регистрации распределения долей в праве общей собственности и общей совместной собственности на недвижимое имущество.

Регистрация долевой собственности на недвижимое имущество осуществляется на основании заявления всех участников долевой собственности на основании документа определяющего сведения о размерах долей.

Регистрация права совместной собственности на недвижимое имущество при этом осуществляется на основании заявления одного из участников совместной собственности.

Таким образом в случае подачи заявления о государственной регистрации права собственности на приобретаемое недвижимое имущество супругом, выступающим по договору купли-продажи единолично и не указывающим в качестве сособственника второго супруга и режим совместной собственности супругов, право собственности будет зарегистрировано только на него.

При этом в случае если супругами в договоре купли-продажи предусмотрено определение долей в праве собственности на недвижимое имущество, заявление о государственной регистрации придется оформлять каждому.

Исходя из состава заявлений о государственной регистрации права собственности супруга или супругов, выступающих приобретателями недвижимого имущества по сделке, в Единый государственный реестр недвижимости (далее − ЕГРН) вносятся соответствующие сведения о собственнике (собственниках) и вид вещного права (индивидуальная, долевая, совместная) – часть 1, 2 статьи 9 Закона № 218-ФЗ, пункт 48, 49 Порядка ведения Единого государственного реестра недвижимости, утвержденного приказом Минэкономразвития России от 16.12.2015 № 943 [4].

Как мы понимаем не всегда сведения о зарегистрированном праве соответствуют положениям пункта 1 статьи 33 и пункта 1 статьи 34 СК РФ о режиме совместной собственности супругов.

Таким образом положения пункта 1 статьи 131, пункта 2 статьи 223 ГК РФ, пункта 2 части 2 статьи 9 Закона № 218-ФЗ определяющее, что собственником недвижимого имущества является лицо, право собственности которого зарегистрировано в установленном порядке, вступает в противоречие с положениями пункта 2 статьи 34 СК РФ, устанавливающими режим совместной собственности супругов на приобретенное в период брака недвижимое имущество вне зависимости от того, на имя кого из супругов оно приобретено [5, с. 21].

Таким образом в практике осуществления государственной регистрации права собственности регулярно присутствует некий парадокс — по условиям сделки (договор купли-продажи) приобретателем квартиры является один супруг, право собственности на недвижимое имущество в ЕГРП зарегистрировано на приобретателя, но единственным собственником

недвижимого имущества он не является – ни целого объекта недвижимого имущества, ни тем более определенной доли в праве собственности.

То есть как бы решая данную правовую коллизию применяем правило: – "один собственник" пишем, "два собственника" держим в уме.

Частью 2 статьи 1 Закона № 218-ФЗ в том числе определяется, что ЕГРН является сводом достоверных систематизированных сведений об учтенном недвижимом имуществе, о зарегистрированных правах на такое недвижимое имущество, основаниях их возникновения, правообладателях.

В итоге сведения в ЕГРН в части неотражения права совместной собственности супругов на общее недвижимое имущество имеют недостоверные сведения, что в свою очередь не соотносится с положениями части 2 статьи 1 Закона № 218-Ф3.

Данный недостаток в свою очередь может повлечь для супруга, право собственности которого не зарегистрировано в установленном законом порядке, определенные проблемы, например [11, с. 28]:

- включение в наследственную массу имущества, права супруга на которое не зарегистрировано в ЕГРН;
- ограничение прав на распоряжение недвижимым имуществом в случаях требующих государственной регистрации возникающих обременений;
- наложение взыскания на имущество по требованию кредиторов к супругу, зарегистрированного единоличном собственником.

Кроме того, указанный недостаток также может повлечь сложность реализации прав кредиторов супруга в связи с отсутствием в ЕГРН сведений о нем как о правообладателе.

Конечно определенное онжом говорить, что семейным законодательством условие о режиме совместной собственности супругов на имущество, вне зависимости от определенного сделкой приобретателя (или приобретателей), а также вне зависимости от внесенных в ЕГРП сведений о зарегистрированном праве собственности, позволяет каждому из защиту осуществлять имущественных супругов своих принадлежащее им имущество в случае возникновения споров или конфликтов как между супругами, так и в случае претензий и требований иных лиц [8, с. 2].

Несомненно, это так, однако защита нарушенного права потребует обстоятельств доказывания его наличия и только потом его восстановления. И защита нарушенного права одного из супругов потребует судебного разбирательства, что повлечет как финансовые, так и временные издержки.

Кроме того, определенный ГК РФ и Законом № 218-ФЗ порядок регистрации права собственности в полной мере содержат возможность и механизм для осуществления регистрации права совместной собственности супругов на приобретаемое недвижимое имущество.

Таким образом условием для устранения указанных недостатков правового регулирования и мерой защиты имущественных прав супругов будет разработка законодательно определенного механизма об обязательности осуществления регистрации права общей совместной собственности супругов на приобретаемое недвижимое имущество.

Проектом федерального закона № 835938-7 "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" [7] предусмотрено изменение положений части 3 статьи 42 Закона № 218-ФЗ в части регистрации права общей совместной собственности на недвижимое имущество.

В соответствии со статьей 1 проекта федерального закона определяется, что право общей совместной собственности на недвижимое имущество подлежит регистрации на основании заявления одного из участников совместной собственности.

Кроме того, государственная регистрация права общей совместной собственности на недвижимое имущество осуществляется без заявления одного из участников совместной собственности при наличии у государственного регистратора сведений о возникновении права общей совместной собственности в силу закона.

При этом устанавливается обязанность государственного регистратора на получение сведений в Едином государственном реестре записей актов гражданского состояния отсутствия случае сведений В У зарегистрированном браке каждого лица, обратившимся за государственной регистрацией возникновения прав собственности основании возмездной сделки.

Предполагается, что принятие данного законопроекта позволит устранить существующие пробелы правового регулирования правоотношений связанных с государственной регистрацией права общей совместной собственности на недвижимое имуществ супругов.

Список литературы

- 1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994
- № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // "Российская газета", № 238-239, 08.12.1994. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/, свободный (дата обращения: 21.01.2021).
- 2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // "Российская газета", № 17, 27.01.1996. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/, свободный (дата обращения: 21.01.2021) .

- 3. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 31.07.2020) "О государственной регистрации недвижимости" // "Российская газета", № 156, 17.07.2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/, свободный (дата обращения: 21.01.2021).
- 4. Приказ Минэкономразвития России от 16.12.2015 № 943 (ред. от 03.12.2019) "Об установлении порядка ведения Единого государственного реестра недвижимости, формы специальной регистрационной надписи на выражающем содержание сделки, состава документе, сведений, включаемых в специальную регистрационную надпись на документе, выражающем содержание сделки, и требований к ее заполнению, а также требований к формату специальной регистрационной надписи на документе, выражающем содержание сделки, в электронной форме, порядка изменения в Едином государственном реестре недвижимости сведений о местоположении границ земельного участка при исправлении реестровой ошибки" (Зарегистрировано в Минюсте России 25.03.2016 № 41548) // правовой интернет-портал Официальный информации http://www.pravo.gov.ru, 30.03.2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196026/, свободный (дата обращения: 21.01.2021).
- 6. Казаченок С.Ю., Долинская Л.М. Проблемы правового режима земельного участка, приобретенного в период брака (по следам одного дела) // Правовые вопросы недвижимости. 2020. № 1. С. 19–23.
- 7. Ответственный подход: популярность брачных договоров в России продолжает расти / новости, Федеральная нотариальная палата. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://notariat.ru/ru-ru/news/otvetstvennyj-podhod-populyarnost-brachnyh-dogovorov-v-rossii-prodolzhaet-rasti, свободный (дата обращения: 21.01.2021).
- 8. Проект федерального закона № 835938-7 "О внесении изменений в законодательные Российской отдельные акты Федерации" депутатами ГД Крашенинниковым П.В., Плетневой Т.В.) (принят в первом 15.07.2020). [Электронный pecypc]. Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/835938-7, свободный обращения: (дата 21.01.2021).
- 9. Расторгуева А.А. Раздел имущества между супругами и наследниками: правовые аспекты. М.: Редакция "Российской газеты", 2019. Вып. 4. 144 с.
- 10. Семейное право: Учебник / Б.М. Гонгало, П.В. Крашенинников, Л.Ю. Михеева и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. 318 с.
- 11. Статистические данные браков и разводов Федеральной службы государственной статистики за 2019 год. [Электронный ресурс]. Режим

доступа: https://rosstat.gov.ru/folder/12781, свободный (дата обращения: 21.01.2021).

12. Чашкова С.Ю. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество супругов: правовое регулирование и особенности правоприменения // Семейное и жилищное право. 2018. № 6. С. 26–30.

LEGAL REGULATION OF STATE REGISTRATION OF THE RIGHT OF GENERAL JOINT PROPERTY OF SPOUSES TO REAL ESTATE PROPERTY

A.A. Seleznev

Tver State University

This article examines the problems of state registration of rights to common real estate of spouses in the context of entering information about rightholders into the unified state register of real estate. The existing procedure for state registration of property rights allows registration of the right to common immovable property only for one of the spouses. Since there is no direct legislative obligation to register both spouses as rightholders of common immovable property, risks arise in the implementation by the spouses of the property rights determined by the family legislation of the Russian Federation.

Key words: common property of spouses, regime of joint ownership, real estate, unified state register of real estate, state registration of property rights.

СЕЛЕЗНЕВ Алексей Алексеевич — студент 1 курса направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция, программа «Правовые основы семьи и брака»., e-mail: aduckman.69@yandex.ru, т. 8-900-115-20-69.

ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ, КАСАЮЩИЕСЯ УДОСТОВЕРЕНИЯ НОТАРИУСОМ СОГЛАШЕНИЙ О РАЗДЕЛЕ ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ И БРАЧНЫХ ДОГОВОРОВ В ОТНОШЕНИИ ДОЛЕЙ В УСТАВНЫХ КАПИТАЛАХ ОБЩЕСТВ С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

О.В. Харитонова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье представлено сопоставительное исследование положений законодательства, правоприменительной практики, касающихся удостоверения нотариусом соглашений о разделе общего имущества супругов и брачных договоров в отношении доли в уставном капитале Общества с ограниченной ответственностью; акцентировано внимание на наличие ряда практических и теоретических вопросов, возникающих при удостоверении поименованных сделок, существенно затрудняющих выполнение нотариусом задач по обеспечению стабильности и законности гражданского оборота.

Ключевые слова: брачный договор, соглашение о разделе, доля в уставном капитале, нотариус.

Доля в уставном капитале Общества с ограниченной ответственностью (далее по тексту — Общество), приобретенная за счет общих доходов супругов, включена статьей 34 Семейного кодекса Российской Федерации [2] (далее — СК РФ) в состав общего совместного имущества супругов.

Имущественные отношения супругов, касающиеся доли в уставном капитале общества, регулируются правилами семейного законодательства, допускающими раздел имущества супругов, как в период брака, так и после его расторжения по требованию любого из супругов, а также в случае заявления кредитором (кредиторами) требований о разделе общего имущества супругов для обращения взыскания на долю одного из супругов в общем имуществе супругов.

Семейный кодекс устанавливает два способа добровольного (внесудебного) определения супругами режима раздельной собственности на их общее совместное имущество [9, с. 22], к коему относится и доля в уставном капитале Общества.

Раздел может быть произведен супругами на основании заключаемого между ними соглашения о разделе общего имущества, нажитого в период брака (ст. 38 СК РФ). Также статьей 42 СК РФ супругам предоставлено право определить режим совместной, долевой или раздельной собственности на долю в уставном капитале Общества, и установить правовую судьбу доли на случай расторжения брака.

Как для соглашения о разделе общего имущества супругов, так и для брачного договора законодателем установлена императивная норма,

предусматривающая их обязательное нотариальное удостоверение. Несоблюдение нотариальной формы сделки, в этом случае, влечет ее ничтожность [1].

Положения семейного и гражданского законодательства не содержат специальных правил и норм о разделе отдельных видов общего имущества супругов исходя из их специфического гражданско-правового режима, в частности и такого, как доля в уставном капитале.

В настоящее время значительный объем вопросов, связанных с регулированием порядка удостоверения соглашения о разделе и брачного договора, имеющего в себе предметом долю в уставном капитале общества, остается неразрешенным.

При удостоверении брачных договоров и соглашений о разделе общего имущества супругов в отношении доли в уставном капитале Обществ, нотариусы ищут взвешенные и разумные подходы не только к регулированию отношений между супругами, но и гражданско-правовых отношений, в которых участвуют порой не только супруги, но и другие участники Общества, а также территориальные органы ФНС России, на которые возложены полномочия по государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

В частности, проблемными остаются некоторые вопросы, связанные с порядком совершения нотариусом такого рода сделок. И вот почему:

Согласно п. 1 статьи 163 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ), нотариальное удостоверение сделки предполагает проверку ее законности и обоснованности; осуществляется нотариусом в порядке, установленном законом о нотариате и нотариальной деятельности.

Согласно Регламента совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования, утвержденного приказом Минюста России от 30.08.2017 № 156 (в ред. Приказов Минюста России от 05.07.2019 N 134, от 31.03.2020 N 79, от 30.09.2020 N 230) [5] (далее – Регламент) пункт 40:

«Нотариус устанавливает следующий дополнительный объем информации при удостоверении договоров об отчуждении или залоге доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью:

- 1) полномочия лица на распоряжение долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью на основании сведений из Единого государственного реестра юридических лиц и документов, подтверждающих принадлежность доли в соответствии с пунктом 13.1 статьи 21 Федерального закона от 08.02.1998 N 14-ФЗ "Об обществах с ограниченной ответственностью" (Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, N 7, ст. 785; 2015, N 13, ст. 1811);
- 2) оплату отчуждаемой доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью на основании списка участников

общества с ограниченной ответственностью или выписки из него либо иных документов, подтверждающих оплату доли в уставном капитале участником общества с ограниченной ответственностью;

3) наличие дополнительных требований к порядку отчуждения или залога доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью — на основании устава общества с ограниченной ответственностью.».

Прежде всего, необходимо понимать, соотносятся ли брачный договор и соглашение о разделе общего имущества супругов с термином «отчуждение», и являются ли они по своей сути сделками, направленными на отчуждение [8, 10, 11].

Исходя из смысла положений ст. 218 ГК РФ, можно квалифицировать сделку как отчуждательную, в том случае, если собственник утрачивает право собственности на передаваемый объект, и собственником такового становится другое лицо. То есть последнее означает переход права собственности от одного лица к другому. Но ведь сторонами соглашения о разделе и брачного договора выступают только супруги, имеющие имущество в общей совместной собственности, которые всего лишь меняют его правовой режим на режим общей долевой или раздельной собственности. Соответственно, допустимо вполне полагать, отчуждение имущества ни брачный договор, ни соглашение о разделе, ни влекут. В связи с чем, в действиях нотариуса явствует практический вопрос, применимы ли положения п. 40 Регламента к соглашениям о разделе и брачному договору.

Федеральный закон Российской Федерации от 08.02.1998г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [3] (далее по тексту ФЗ об ООО), ст. 21 п.13. устанавливает к нотариусу аналогичные требования: «Нотариус, совершающий нотариальное удостоверение сделки, направленной на отчуждение доли или части доли в уставном капитале общества, проверяет полномочие отчуждающего их лица на распоряжение такой долей или частью доли, а также удостоверяется в том, что отчуждаемые доля или часть доли полностью оплачены (статья 15 настоящего Федерального закона).

Полномочие лица, отчуждающего долю или часть доли в уставном капитале общества, на распоряжение ими подтверждается документами, на основании которых доля или часть доли ранее была приобретена соответствующим лицом, а также Выпиской из единого государственного реестра юридических лиц, содержащей сведения о принадлежности лицу отчуждаемых доли или части доли в уставном капитале общества и полученной нотариусом в электронной форме в день удостоверения сделки.».

Также п. 14 и п. 15 ст. 21 ФЗ Об ООО устанавливают для нотариуса, удостоверившего договор об отчуждении доли или части доли в уставном

капитале общества или акцепт безотзывной оферты, в течение двух рабочих дней со дня данного удостоверения (если больший срок не предусмотрен обязанность посредством электронного договором), подать документооборота осуществляющий орган, государственную В регистрацию юридических лиц, заявление о внесении соответствующих изменений в единый государственный реестр юридических лиц, и совершить нотариальное действие по передаче обществу (доля в уставном капитале которого отчуждается), копии вышепоименованного заявления.

Означает ли сказанное, что при удостоверении соглашения о разделе общего имущества супругов или брачного договора, предметом которых выступает доля в уставном капитале нотариус должен по аналогии руководствоваться требованиями п. 40 Регламента и п.п. 14, 15 ст. 21 ФЗ Об ООО, поскольку иных норм, регулирующих порядок их совершения закон не содержит? Обязан ли нотариус, после удостоверения брачного договора или соглашения о разделе имущества, подавать посредством электронного документооборота осуществляющий государственную орган, регистрацию юридических лиц, заявление о внесении соответствующих изменений в единый государственный реестр юридических лиц, совершить нотариальное действие по передаче обществу (доля в уставном капитале которого отчуждается), копии вышепоименованного заявления, отсутствие на то прямого указания в законе? [4].

Лишь исходя из анализа материалов судебной практики можно сделать отдельные выводы.

В Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 30 сентября 2016 г. N Ф05-14772/16 по делу N А41-102533/2015 [13], указано на правильность применения к отношениям по переходу доли в уставном капитале общества, основанным на брачном договоре, положений корпоративного законодательства, в частности положений ст. 21 Закона об обществах с ограниченной ответственностью. Судом также отмечается, что признание доли в уставном капитале личной собственностью одного из супругов «предполагает возможность владения имущественными правами, но не участия второго супруга в управлении делами общества, так как вопросы приобретения и реализации статуса участника хозяйственного общества регулируются нормами не семейного, а корпоративного законодательства.».

Но если применимы положения ст. 21 ФЗ об ООО, в таком случае мы говорим и о применении правил для «отчуждательной» сделки, связанных и с возникновением права преимущественной покупки у других участников общества, и самого общества (если таковая возможность предусмотрена уставом общества), а также необходимости получения согласия остальных участников общества (если требование предусмотрено уставом) на переход доли третьему лицу [3].

Право участникам предусмотреть в уставе общества необходимость получения согласия участников общества при продаже или отчуждении иным образом участником своей доли (части доли) в уставном капитале общества третьему лицу, и положение пункта 2 статьи 21 ФЗ об ООО о возможности отчуждения доли (части доли) третьим лицам, по своему характеру является диспозитивным, что отмечено Конституционным Судом Российской Федерации в определениях от 21.12.2006 № 550-О, от 03.07.2014 № 1564 [12].

Определением Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2020 года по делу № 308-ЭС20-11834 [12], отмечена необходимость получения согласия других участников общества в переходе прав на долю к супругу «неучастнику» (бывшему супругу), получившему такую долю в результате раздела совместно нажитого имущества. Суд основывает свои выводы на следующем:

«..внесение одним из супругов вклада в уставный капитал общества с ограниченной ответственностью и, следовательно, приобретение именно им статуса участника общества предполагает (по смыслу статьи 35 Семейного кодекса Российской Федерации), что другой супруг дал свое согласие на подобное распоряжение общим имуществом супругов, тем самым согласившись и с положениями устава организации, указывающими на необходимость получения согласия других участников общества на отчуждение участником общества своей доли (части доли) в уставном капитале общества третьим лицам, т.е. на включение его в «свой» круг участников общества (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 03.07.2014 № 1564).

В случае присуждения супругу (бывшему супругу) в порядке раздела совместно нажитого имущества доли в уставном капитале общества, отчуждение долей которого третьим лицам ограничено, такой супруг (бывший супруг) получает право обратиться к обществу с требованием о вхождении в состав участников общества. Право на получение действительной стоимости доли у супруга (бывшего супруга) возникает только в случае отказа других участников в переходе прав на долю или ее часть к такому лицу (пункт 1 статьи 6 ГК РФ, пункт 5 статьи 21 Закона об обществах).» [12].

Совместный анализ вышеизложенных норм закона и судебных актов, позволяет выявить наличие явственных пробелов в правовой системе, которые значительно усложняют работу нотариуса при удостоверении брачного договора или соглашения о разделе общего имущества супругов в виде доли в уставном капитале.

Возникает ряд вопросов, связанных с возложением на нотариуса дополнительных функций по контролю соблюдения прав и законных интересов не только супругов, заключающих брачный договор или соглашение о разделе, но третьих лиц – участников общества, интересы

которых в том числе затрагиваются. Сказанное означает и возникновение обязанности истребования нотариусом ряда дополнительных документов от супругов, намеревающихся заключить в отношении совместно нажитого ими имущества в виде доли в уставном капитале, брачный договор или соглашение о разделе, в то время как нотариус ограничен Регламентом.

Подводя итог сказанному, можно отметить, что нотариус, в отсутствие четко сформированного правового механизма, при удостоверении брачного договора или соглашения в отношении доли в уставном капитале, может лишь разъяснять супругам возможность возникновения неблагоприятных последствий не только для них самих, но и для вышепоименованных третьих лиц, однако нотариус не вправе потребовать от предоставления дополнительных документов, не предусмотренных требованиями Регламента (при буквальном толковании его положений). Нотариус может только указать на необходимость совершения ряда сопутствующих действий, направленных на предотвращение нарушения прав и законных интересов третьих лиц, что порой воспринимается клиентом как «дополнительно навязываемая услуга».

Вынести мотивированное постановление об отказе в совершении нотариального действия, изложив причины отказа основываясь на вышеизложенных доводах, представляется довольно сложным и рискованным для нотариуса на случай признания судом необоснованным совершенного постановления [6, 7].

Тем самым порождается риск удостоверения сделок, подпадающих под признаки недействительных, в силу указания на то ст. 173.1 ГК РФ.

Список литературы

- 1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ), в редакции от 31.07.2020г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант». Источник: http://www.consultant.ru.
- 2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-Ф3 (ред. от 06.02.2020). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант». Источник: http://www.consultant.ru.
- 3. Федеральный Закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» (ред. от 31.07.2020). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант». Источник: http://www.consultant.ru.
- 4. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) (ред. от 27.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.05.2020). 11 февраля 1993 года N 4462-1. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант». Источник: http://www.consultant.ru.
- 5. Регламент совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающий объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования (ред. от 30.09.2020). Утвержден приказом Минюста России от 30.08.2017 N156).

URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_239685/398b5f8c9a1773 180d5eca65f913db1870a0b4d7/ (дата обращения:18.01.2021)

- 6. Бегичев А.В. Особенности правового статуса нотариуса//Бюллетень нотариальной практики.2017. № 4. С. 38-41.
- 7. Ефимов А.А., Ярков В.В. Гражданский процесс в нотариальной практике (на примере главы 37 ГПК РФ)//Нотариальный вестник. 2020. № 7. С. 32-38.
- 8. Корниенко А.В. Правовая природа брачного договора сквозь призму гражданского права и принципов международного права// Вопросы российской юстиции. 2019 . № 4. С. 168-180.
- 9. Рузанова В.Д. Вопросы изменения режима общей совместной собственности супругов // Современное семейное право России и тенденции его развития: теория и практика: сборник тезисов по итогам Всероссийской научно-практической видеоконференции, 22 мая 2018 г. /отв. ред. И. В. Бакаева, В. Е. Стрегло .Таганрог, 2018. С.22
- 10. Свиридова А.А. Правовая природа брачного договора// Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. 2020

Издательство: Общество с ограниченной ответственностью "Агентство международных исследований" (Уфа).

- 11. Чашкова С.Ю. Актуальные вопросы применения семейного и гражданского законодательства в нотариальной практике. Сборник статей. М.: АНО «Центр научно-методического обеспечения нотариальной деятельности», 2017. С. 92.
- 12. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2020 года по делу № 308-ЭС20-11834. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1951116 (дата обращения:18.01.2021)
- 13. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30 сентября 2016 г. N Φ 05-14772/16 по делу N A41-102533/2015. Три поисковика Рунета, не считая Google [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sudact.ru (дата обращения: 18.01.2021)

LAW ENFORCEMENT ISSUES CONCERNING THE NOTARIZATION OF AGREEMENTS ON THE DIVISION OF COMUNITY PROPERTY AND MARRIAGE CONTRACTS IN RESPECT OF SHARES IN AUTHORIZED CAPITALS OF LIMITED LIABILITY COMPANIES

O.V. Kharitonova

Tver State University

The article presents a comparative study of the provisions of the law enforcement practice regarding the notarization of agreements on the division of community property and

marriage contracts in respect of shares in authorized capitals of limited liability companies; attention is focused on a number of practical and theoretical issues arising from the certification of the named transactions, which significantly complicate the Notary's tasks to ensure stability and legality of civil transactions.

Keywords: marriage contract, agreement on the division, share in the authorized capital, the Notary.

ХАРИТОНОВА Ольга Владимировна — студентка 1 курса направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция, программа «Правовые основы семьи и брака»; e-mail: not69lepexina@mail.ru; т. 8-915-749-40-30.

РАЗДЕЛ ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ НЕ ПОРОВНУ

М.В. Шувалова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматривается вопрос отступления от начала равенства долей бывших супругов в их совместно нажитом имуществе, проводится анализ правоприменительной практики и позиций Верховного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: бывшие супруги, общее имущество, имущество супругов, раздел общего имущества супругов, интересы несовершеннолетних детей, заслуживающие внимания интересы одного из супругов.

Определение долей при разделе общего имущества супругов является актуальной темой по сей день и обусловлено это в большей степени желанием каждого из супругов «оторвать» себе наибольшую долю от общего имущества. Семейный кодекс Российской Федерации [13] (далее – СК РФ) закрепляет, что в случае, если между супругами не заключен брачный договор, то их доли в общем имуществе признаются равными. Так, Наро-Фоминским городским судом Московской области было рассмотрено гражданское дело [11] по иску экс-супруги к экс-супругу о разделе совместно нажитого ими имущества, в котором просит произвести раздел общего имущества и признать за истицей и ответчиком право собственности на квартиру по ½ доли за каждым. Суд оценил все обстоятельства дела и пришел к выводу о равенстве долей экс-супругов в праве собственности на их общее имущество, таким образом, удовлетворив заявленные требования.

Однако, в СК РФ подчеркивается, что существует исключение из правил – раздел имущества на неравные части. Так, пункт 2 статьи 39 содержит положения о том, что суд вправе отступить от начала равенства долей супругов в их общем имуществе исходя из интересов несовершеннолетних детей и (или) исходя из заслуживающего внимания интереса одного из супругов, в частности, в случаях, если другой супруг не получал доходов по неуважительным причинам или расходовал общее имущество супругов в ущерб интересам семьи [13].

К сожалению, пункт 17 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 15 [10] (далее — ПП ВС РФ № 15) разъясняет только то, что следует понимать под заслуживающими внимания интересами одного из супругов — не только случаи, когда супруг без уважительных причин не получал доходов либо расходовал общее имущество супругов в ущерб интересам семьи, но и случаи, когда один из супругов по состоянию здоровья или по иным не зависящим от него обстоятельствам лишен возможности получать доход от трудовой деятельности.

Что касается другого условия отступления от начала равенства долей супругов в их общем имуществе, то судам, для правильного применения

пункта 2 статьи 39 СК РФ, необходимо определить, что следует понимать под «интересами несовершеннолетних детей». В научной литературе справедливо отмечается, что нет единого понимания того, какие именно интересы несовершеннолетних детей должны быть учтены при применении данной нормы [9, с. 41]. По мнению П.В. Крашенинникова, «интерес – это условия благополучия субъектов, реализация которых является целью правового регулирования». То есть под интересами детей можно понимать их благополучие, а так как речь идет о разделе имущества, то правильнее было бы сказать имущественное благополучие [1, с. 7-9].

Анализ правоприменительной практики и научной литературы позволяет сделать вывод о том, что интересы несовершеннолетних детей различны. Например, когда речь идет о движимом имуществе, то интерес несовершеннолетнего ребенка распространяется на те вещи, которыми он пользовался в повседневной жизни. Как правило, если суд, при рассмотрении дела установил, что такие вещи были приобретены для ребенка, которые необходимы для использования их в процессе жизни и учебы, то на основании пункта 5 статьи 38 СК РФ их исключают из раздела и передают тому супругу, с кем проживает ребенок.

По-другому выглядит ситуация, где один из супругов требует увеличения своей доли в квартире или доме, ссылаясь при этом на наличие несовершеннолетних детей и их интересы.

Е. Евсеев высказал свое мнение при анализе Определения Верховного Суда РФ [6], в котором указывалось на игнорирование судами нижестоящих инстанций тяжелого материального положения истицы, что судам следовало рассмотреть наличие двух несовершеннолетних детей, несение бремени расходов по их содержанию и низкий уровень дохода от трудовой деятельности, как нарушение интересов супругов с дальнейшим отступом от принципа равенства долей супругов в их общем имуществе в пользу супруга, с которым остались проживать двое детей [2, с. 3]. По мнению К.В. разграничивают Лебедева, Карпова C.B. суды не несовершеннолетних детей и интересы другого супруга, а рассматривают их обстоятельств, определенную совокупность которые свидетельствовать о необходимости отступления от принципа равенства долей супругов [3, с. 13-16]. Таким образом, суд должен подробно оценивать каждое обстоятельство и давать правовую оценку.

Говоря о взаимосвязи между интересами детей при определении долей супругов в их общем имуществе и самим имуществом, стоит отметить, что существует принцип раздельности имущества родителей и детей, закрепленный в пункте 4 статьи 60 СК РФ, в силу которого учет судом интересов несовершеннолетнего ребенка не влияет на отношение детей к данному имуществу. Поэтому, логичным считается не выделение детям самостоятельной доли из общего имущества супругов, а об увеличении равной доли при разделе общего имущества на основании статьи 39 СК РФ.

Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ было рассмотрено гражданское дело [7] (отраженное в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ в рамках разрешения споров, возникающих из семейных отношений) по иску Щербаковой Ю.М. к Щербакову Д.Г. о разделе совместно нажитого имущества и взыскании алиментов. В обоснование своих требований истица указала, что заключенный с ответчиком брак в 2007 году, был расторгнут решением суда от 16 января 2018 года. Стороны имеют общего несовершеннолетнего сына, который после развода проживает с истицей, а также несовершеннолетнюю дочь от предыдущего брака истицы. В период брака супруги приобрели два автомобиля и земельный участок площадью 1 500 кв. м.

Поскольку, после расторжения брака двое несовершеннолетних детей проживают с матерью и ответчик не исполняет своих обязанностей по содержанию их общего сына, то Ю.М. полагала, что имеются основания для отступления от начала равенства долей супругов, в связи с чем просила признать за ней право на 2/3 доли в общем имуществе, а за бывшим супругом — 1/3 доли. То есть такой раздел ей виделся следующим образом: она получает в собственность один автомобиль и земельный участок, а бывший муж получает второй автомобиль и выплачивает экс-супруге компенсацию за превышение стоимости 1/3 доли в общем имуществе, а также с него взыскиваются алименты в размере ½ части всех видов заработка.

Так, суд первой инстанции не нашел оснований для отступления от начала равенства долей, сославшись на отсутствие оснований для удовлетворения данного требования. При этом, указав, что наличие общего несовершеннолетнего ребенка не является безусловным основанием для увеличения супружеской доли, поскольку содержание детей обеспечивается алиментными обязательствами, равно как не является таким основанием и бездействие ответчика в части неисполнения нотариально удостоверенного обязательства по переоформлению доли в квартире, поскольку данная квартира предметом спора не является, а права истицы и детей можно защитить в ином порядке.

Суд апелляционной инстанции изменил решение суда по поводу возможности отступа в отдельных случаях от начала равенства долей супругов, учитывая интересы совершеннолетних детей, в связи с чем произвел раздел имущества сторон по «идеальному» варианту истицы. Такое решение основывалось на выявленных юридически значимых обстоятельствах, а именно — на факте неисполнения ответчиком условия о соблюдении имущественных интересов несовершеннолетних детей, т.е. передаче им в будущем доли в праве собственности на квартиру, а также на наличии личных неприязненных отношений между бывшими супругами как свидетельствующий факт необходимости отступления от начала равенства долей.

В конечном итоге, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала на нарушения норм материального и процессуального права при принятии судом апелляционного определения, обозначив следующее. Действительно, суд вправе отступить от начала равенства долей исходя из интересов несовершеннолетних детей и (или) исходя из заслуживающего внимания интереса одного из супругов. Одним из юридически значимых обстоятельств по данному делу являлось выяснение вопроса о наличии либо об отсутствии оснований для отступления от начала равенства долей супругов в общем имуществе, а также о наличии или об отсутствии оснований для передачи спорного имущества одному из супругов с присуждением другому супругу соответствующей денежной компенсации. ПП ВС РФ № 15 содержит перечень возможных случаев и оснований, которые законодатель понимает как заслуживающие внимания, при этом закон не требует наличия совокупности этих оснований. В частности, таким самостоятельным основанием являются, прежде всего, интересы несовершеннолетних детей.

Отступление от начала равенства долей исходя из интересов несовершеннолетнего ребенка согласуется также с конституционным принципом, закрепленным в части 2 статьи 7, части 1 статьи 38 Конституции $P\Phi$ [4].

Закон не содержит перечня заслуживающих внимания интересов несовершеннолетних детей, с учетом которых, суд вправе отступить от начала равенства долей супругов в общем имуществе. Обстоятельства должны устанавливаться в каждом конкретном случае с учетом предоставленных доказательств сторонами, а также оцениваться судом в совокупности и с приведением мотивов, по которым такие обстоятельства приняты или отклонены судом.

Несмотря на то, что суд апелляционной инстанции пришел к выводу об отступлении равенства долей, тем не менее, в определении не было обозначено, во-первых, каким образом соблюдаются интересы детей, ради которых будет производится отступление, во-вторых, не указано какие конкретно права и интересы несовершеннолетнего сына экс-супругов нарушены действиями ответчика, в-третьих, не приведено обоснований в распределения пользу выбранного варианта долей, в-четвертых, неисполнение обязательства в отношении имущества, не являющегося предметом спора, указывается в качестве основания, позволяющего отступить от равенства долей. Помимо этого, суд признает отношения бывших супругов недоброжелательными, ошибочно полагая, что это может также служить увеличению доли истице [5, с. 34-37].

Таким образом, в удовлетворении требований было отказано, поскольку обстоятельств, позволяющих сделать исключение из общего правила о равенстве долей, в пользу истцы, не установлено.

Редким примером отступления от принципа равенства долей является история раздела имущества между супругами в Краснодарском крае, описанная в статье Российской газете от 30.11.2020 года [12]. История заключается в том, что супруги расторгли брак и начали делить трехкомнатную квартиру. Бывшая супруга считала, что следует отдать ей 2/3 доли квартиры, а оставшуюся — бывшему супругу. У них имеется несовершеннолетняя дочь-инвалид, что и стало обоснованием требований истицы для перевеса в свою пользу. Поэтому, помимо алиментов, истица просила учесть инвалидность ребенка при разделе квартиры, поскольку если продавать жилье и делить вырученные денежные средства пополам, то половины этих денег не хватит женщине, чтобы купить другую квартиру с отдельной комнатой для ребенка, которая девочке необходима.

Местные суды не сочли обстоятельства с больным ребенком важными и имеющими значение для отступа от принципа равенства долей.

Бывшая супруга обжаловала решение в краевой суд, где ее требования снова не были удовлетворены, поскольку суд не наблюдает затрагивание интересов ребенка разделом имущества, объяснив это, что: «Отец выплачивает алименты должны образом, не мешает дочери пользоваться квартирой».

Когда дело дошло до Верховного Суда РФ, то Судебная коллегия по гражданским делам посчитала доводы истицы заслуживающими внимания и имеющими право на отступ от равенства долей. Логика рассуждений Судебной коллегии выражалась в следующем: бывший супруг хочет продать квартиру, а супруга стремится сохранить материальный уровень жизни ребенка после раздела имущества; иного жилья у матери с дочкой нет; ребенок нуждается в отдельной комнате из-за тяжелого заболевания [8]. Именно такие обстоятельства могут указывать на необходимость отступить от равенства долей, как отметила Судебная коллегия, а нижестоящие суды не объясняют свое нежелание рассмотреть детально важные аргументы женщины.

Таким образом, для отступления от равенства долей в общем имуществе супругов не стоит приводить аргументы по поводу неуплаты алиментов, недоброжелательных отношений между супругами, сложившихся после расторжения брака и раздела имущества, ссылаться на наличие общих детей, а вот болезнь у ребенка, инвалидность и другие не менее серьезные обстоятельства, следует рассматривать как основание для отступа от равенства долей.

Список литературы

1. Быкодорова А.Ф., Минина А.А., Богатырева А.Т. Защита интересов несовершеннолетних детей при разделе общего имущества супругов. // Семейное и жилищное право. 2020. № 6. С. 7 – 9. Доступ из справ.-правовой

- системы «Консультант Плюс». Источник: https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=98908428806876415460 https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=98908428806876415460 https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=98908428806876415460 https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=98908428806876415460 https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=98908428806876415460 https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=98908428806876415460 https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=98908428806876415460 https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=98908428806876415460 https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=2020CB9#032 https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=2020CB9#032 https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=2020CB9#032 https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=2020CB9#032 https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=2020CB9#032 https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=2020CB9#032 https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=202
- 2. Е. Евсеев. Раздел имущества в интересах детей // ЭЖ Юрист. 2015. № 27. С. 3. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». Источник:

https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?rnd=62C30B82FF11D84E8ECEEB2E 53CC735F&req=doc&base=CJI&n=88229&dst=100023&fld=134&REFFIELD =134&REFDST=100033&REFDOC=94897&REFBASE=CJI&stat=refcode%3 D16876%3Bdstident%3D100023%3Bindex%3D51#28mobcyojfa

- 3. К.В. Карпов, С.В. Лебедев. К вопросу об отступлении от начала равенства долей супругов в их общем имуществе исходя из интересов несовершеннолетних детей // Семейное и жилищное право. 2016. № 2. С. 13 16. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». Источник: <a href="https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=98908428806876415460664745&cacheid=ACDD49FB26071DFF804337BA558CD0CF&mode=splus&base=CJI&n=94897&rnd=F88DA02E7DCAB3F8D82FCC3CA0E0CCB9#0863745780821042
- 4. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.12.1993]: с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6 ФКЗ и от 30.12.2008 № 7 ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. 21 января (№ 4). Ст. 445. Доступ из справправовой системы «Консультант Плюс». Источник: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
- 5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27.11.2019) Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». Источник:

 $\frac{http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_338859/453a8afc036f0b7c}{0b8d12c0d450594a6853749f/}$

- 6. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2014 года № 15 КГ14 7 Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». Источник: <a href="https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?rnd=62C30B82FF11D84E8ECEEB2E53CC735F&req=doc&base=ARB&n=417508&REFFIELD=134&REFDST=10030&REFDOC=94897&REFBASE=CJI&stat=refcode%3D10881%3Bindex%3D47#11sp7k7ni88</code>
- 7. Определение Судебной коллегии по гражданским дела Верховного Суда Российской Федерации от 14 января 2020 года № 18 КГ19 184 Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». Источник:

- https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=10853610430616560616 4935751&cacheid=CCC04A011783CB39F1C6BC9FE2E73A5E&mode=splus &base=ARB&n=614901&rnd=62C30B82FF11D84E8ECEEB2E53CC735F#18 f0jlqq2mv
- 8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.03.2019 года № 36 КГ19 1 Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». Источник: https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?rnd=F88DA02E7DCAB3F8D82FCC3 CA0E0CCB9&req=doc&base=ARB&n=576456&REFFIELD=134&REFDST= 100335&REFDOC=338859&REFBASE=RZR&stat=refcode=10881;index=386 #0013647272857740256 (дата обращения: 21.01.2021).
- 9. Петрова Т.А. Защита интересов несовершеннолетних детей при разделе совместно нажитого имущества супругов. Судья. 2015. № 7 (55). С. 41. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». Источник: <a href="https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?rnd=62C30B82FF11D84E8ECEEB2E53CC735F&req=doc&base=CJI&n=89642&REFFIELD=134&REFDST=100047&REFDOC=133384&REFBASE=CJI&stat=refcode%3D16876%3Bindex%3D68#6odstcynt5c
- 10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 года № 15 (ред. от 06.02.2007) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. Январь 1999. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». Источник: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20961/
- 11. Решение Наро-Фоминского городского суда Московской области № 2-1027 / 2020 от 28 мая 2020 года по делу № 2-1027 / 2020. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». Источник: https://sudact.ru/regular/doc/PMLBv5BKJnV4/ (дата обращения: 18.01.2021).
- 12. Российская газета. Федеральный выпуск № 270 (8324). 30.11.2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rg.ru/2020/11/30/verhovnyj-sud-raziasnil-kogda-zhile-pri-razvode-nelzia-delit-porovnu.html
- 13. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 №223 ФЗ (ред. от 06.02.2020 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». Источник: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/

THE DIVISION OF COMMON PROPERTY OF SPOUSES IS NOT EQUAL

M.V. Shuvalova

Tver State University

The article discusses the issue of deviation from the beginning of equality of the shares of former spouses in their jointly acquired property is considered, an analysis of the law enforcement practice and positions of the Supreme Court of the Russian Federation. Keywords: former spouses, common property, property of spouses, division of common property of spouses, interests of minor children, interests of one os the spouses that deserve attention.

ШУВАЛОВА Мария Владиславовна — студентка 1 курса направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция, программа «Правовые основы семьи и брака»; e-mail: shuvalova_maria@mail.ru; т. 8-915-740-22-25

СОДЕРЖАНИЕ

АКИНТЬЕВ М.А. ПОЗИТИВНАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ. КОГДА МЕНЬШИНСТВО МОЖЕТ СТАТЬ БОЛЬШИНСТВОМ
БОГАТЫРЕВА В.О. ПРИЕМНАЯ СЕМЬЯ КАК ФОРМА ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ
ЗАЙЦЕВА Е.С. ТАЙНА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ РЕПРОДУКТИВНЫХ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
КОНДРАТЬЕВА Р.В. ИНТЕРЕСЫ ДЕТЕЙ КАК ПРЕДМЕТ ОСНОВНОЙ ЗАБОТЫ РОДИТЕЛЕЙ
<i>ЛОВЦЕВИЧ Е.С.</i> ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРИЗНАНИЯ БРАЧНОГО ДОГОВОРА НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ
ЛУКАШ П.Ю. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА БРАЧНОГО ДОГОВОРА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЛУНЕВ Д.С. ФАКТИЧЕСКИЕ БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ, ПРОБЛЕМЫ ИХ РЕГУЛИРОВАНИЯ
<i>МАСЛОВ И.А.</i> ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОРЯДКА ОБЩЕНИЯ РЕБЕНКА С РОДИТЕЛЕМ, ПРОЖИВАЮЩИМ ОТДЕЛЬНО
<i>МУРАДОВА Д.Ф.</i> НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РАЗГЛАШЕНИЕ ТАЙНЫ УСЫНОВЛЕНИЯ (УДОЧЕРЕНИЯ)50
ОСМАНОВА Т.Л. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ РЕПРОДУКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ДЛЯ ОДИНОКИХ МУЖЧИН
ПАВЛОВА А.И. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ РФ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ
<i>САМСОНОВА А.М.</i> НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СДЕЛОК, СОВЕРШАЕМЫХ МЕЖДУ СУПРУГАМИ
СЕЛЕЗНЁВ А.А. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ПРАВА ОБЩЕЙ СОВМЕСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ СУПРУГОВ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО
ХАРИТОНОВА О.В. ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ, КАСАЮЩИЕСЯ УДОСТОВЕРЕНИЯ НОТАРИУСОМ СОГЛАШЕНИЙ О РАЗДЕЛЕ ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ И БРАЧНЫХ ДОГОВОРОВ В ОТНОШЕНИИ ДОЛЕЙ В УСТАВНЫХ КАПИТАЛАХ ОБЩЕСТВ С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ
<i>ШУВАЛОВА М.В.</i> РАЗДЕЛ ОБШЕГО ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ НЕ ПОРОВНУ 91

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕМЕЙНОГО И ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Сборник научных статей

Выпуск 8

Подписано в печать 12.04.2021. Формат 60х84 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 5,81. Тираж 100. Заказ № 106. Тверской государственный университет Редакционно-издательское управление Адрес: 170100, г. Тверь, Студенческий пер. 12, корпус Б. Тел. РИУ (4822) 35-60-63.